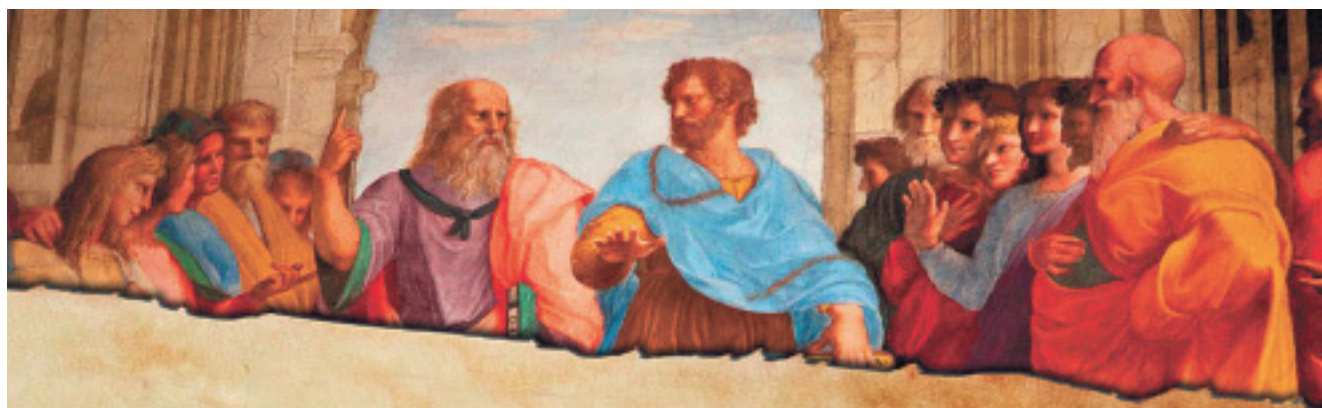

М. _____
ВЕЛЛЕР

ЛЮБОВЬ
И СМЫСЛ ЖИЗНИ

Михаил Веллер

Любовь и смысл жизни (сборник)

«АСТ»

2012

Веллер М. И.

Любовь и смысл жизни (сборник) / М. И. Веллер — «АСТ», 2012

ISBN 978-5-271-44612-2

«...Все знают, что она есть, и никто не знает, что это такое. Или еще: все знают, что это такое, но никто не знает, как это сказать. Хотя практики-эмпирики, профессиональные соблазнители и многоженцы по этим путям ходят, как по тротуару возле собственного дома. Зная все повороты наизусть. Удивительные вещи происходили вечно по причине ея. Чем сильнее любовь – тем больше наломано дров. Вечно какие-то препятствия, вечно какие-то страдания, и чем трагичнее страдания – тем более прекрасные и проникновенные песни слагают поэты. «Жестока, как ад, ревность», – пожаловался Соломон, и через некоторое время Отелло задушил Дездемону, Хозе зарезал Кармен, а Российский уголовный кодекс признал ревность смягчающим обстоятельством...»

ISBN 978-5-271-44612-2

© Веллер М. И., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Три сорта желанных лиц	5
Любовь	5
Ревность	25
Страдание	31
Секс	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Михаил Веллер

Любовь и смысл жизни

Три сорта желанных лиц

Любовь

Любовь!! Волнует кровь!! Кто еще хочет комиссарского тела?!

Что там насчет божественной страсти? Где там библиотеки любовных романов? А как хороши разделы «Любовь» в бесчисленных сборниках афоризмов «В мире мудрых мыслей»! Прочитал – и обогатился. Поразмыслил, оценил... И все равно не стал умнее. То понял, сё понял, многое понял, и все равно ни хрена не понял.

Либо она есть, либо ее нет. Это в конкретном случае.

А вообще – все знают, что она есть, и никто не знает, что это такое. Или еще: все знают, что это такое, но никто не знает, как это сказать. Можно сказать одно, другое, третье, пятое, и все это будет верно, но не полно. Не исчерпывающе. Не всеобъемлюще.

Есть многое на свете, друг Горацио, что часто снится нашим мудрецам, и пробуждаясь ненадолго от грез, они одаряют нас формулировками насчет того, что непостижимы пути слияния сердец.

Хотя практики-эмпирики, профессиональные соблазнитель и многоженцы, по этим путям ходят, как по тротуару возле собственного дома. Легко и беззаботно. Зная все повороты наизусть.

Есть любовь к родине, родителям, деньгам, славе, украшениям, риску, вину, работе, развлечениям и ковырянию в носу. Эти виды любви мы сейчас рассматривать не будем. Равно как и страсть нежную и бесплодную сексуальных меньшинств: мы предоставляем им наслаждаться равноправием и скромно отводим глаза в другую сторону – в необъятную сторону, где громоздятся друг на друге люди нормальные.

Любовь женщины и мужчины интересует нас.

Удивительные вещи происходили вечно по причине ея. Рыцари совершали подвиги во имя Дамы, а Антоний предал войско и потерял полмира и жизнь. Хозе убил Кармен, а Ромео убил себя. Парис похитил Елену – и этим уничтожил свое государство в Троянской войне.

Чем сильнее любовь – тем больше наломано дров. Вечно какие-то препятствия, вечно какие-то страдания, и чем трагичнее страдания – тем более прекрасные и проникновенные песни слагают поэты. Пострадал старик, пострадали пассажиры.

Понятию «любовь» придается какое-то магическое значение. Если человек в личных интересах нарушил государственный долг – он кто? Вообще-то изменник. Нехорошо он поступил. А если из непреодолимой и великой любви нарушил? Тоже, вообще-то, изменник, но у него была уважительная причина, надо его понять, пожалеть, сострадать ему. Такова великая сага о Тристане и Изольде.

То есть: влечение достигает такой силы, что переходит в некое иное качество. И этим все можно оправдать. В крайнем случае можно казнить, если он совершил нечто ужасное – но все равно сила его чувства внушает уважение, симпатию, жалость, зависть. Леди Макбет Мценского уезда.

1. В основе любви лежит половой инстинкт. Это понятно и не заслуживает разъяснений.

2. Любовь обычно выглядит культурной надстройкой на половом инстинкте. Человек не кошка, чтоб просто совокупляться. У него есть речь, обычаи, представления о мире, – и

вот он переживает, произносит разные слова о своих чувствах, совершает разные поступки, демонстрируя силу своих чувств. То есть обычно представляется, что тупой и грубый человек, о котором иногда говорится «да это просто животное», не способен к такому высокому и прекрасному чувству, как любовь, – ему лишь бы похоть удовлетворить. Для любви необходима некая душевная тонкость, духовность, так сказать, что и отличает человека от животного (такова традиционная точка зрения).

3. А есть ли любовь у животных? Один партнер может оберегать другого, помогать в добыче пищи, заботиться при ране или болезни. Это, предположим, можно списать на тот же простой половой инстинкт – забота о появлении и выживании потомства.

Полагаете, любовь у попугаев или кошек не существует? Да? А вот вам элементарный волнистый попугайчик в клетке, тоскует один, бедняга, семечки не клюет и перья теряет. Ветеринар выносит заключение: бабу хочет. Езжай на птичий рынок за самочкой.

Подсаживают в клетку самочку – а он ее не хочет. Не дружит, не покрывает. Меняют самочку. Разборчив жених, эту тоже не хочет. И только следующей начинает перышки поправлять, семечки ей лугать и принимать перед ней обольстительные позы. Понравилась.

Точно так же не всякого кота подпустит мяукающая в течке кошка. Орет, катается, не жрет неделю – а ухажера когтистой лапой по морде! Потребен ей мужик – но всякого первого попавшегося она не хочет. Может и первый понравиться – а может и второго спровадить.

Это любовь или нет? Нет, гневно ответит высокодуховный моралист. Это говорит только об избирательности полового инстинкта. Не с кем попало потомство давать, а с подходящим – а уж насчет подходящести природа диктует и направляет.

Без всякой возможности выбора любая пара кот-кошка в конце концов, не с первого раза, примирятся и начнут делать котят. Так это и о паре людей сказать можно. А есть возможность выбора – выбирают.

Мы имеем избирательное действие инстинкта. Это пока тоже элементарно.

4. Половой инстинкт – это оформление биологической энергии, он направлен на существование и размножение вида. Он совершенно целесообразен.

Да? Сейчас! Общеизвестна масса вариантов в животном мире, которые выглядят вполне «очеловеченным» проявлением любви – это гибель особи, потерявшей партнера. Овдовевший лебедь набирает высоту, складывает крылья и разбивается о землю. То же может сделать и голубь, а может зачахнуть и умереть от тоски. Попугайчик в клетке с собой не покончит, но может впасть в такую меланхолию, что тоже сдохнет. Вот разлученный с подругой волк в зоопарке: есть отказывается, лежит неподвижно, глаза погасшие и шерсть лезет клочьями. И относится это ко многим животным.

В чем тут целесообразность? По логике целесообразности – надо немедленно искать другого партнера, а если его нет – как минимум поддерживать себя в наилучшей физической форме: на случай встречи, увеличивая тем самым шанс возможности размножения, или уж как минимум сохранять себя как полноценную и жизнеспособную особь своего вида. Инстинкт жизни должен повелевать именно это.

Инстинкт размножения может противоречить инстинкту жизни индивидуальной. То есть: инстинкт сохранения вида может доминировать над инстинктом самосохранения. Вид – важнее! Да – но это если жертвовать собой ради потомства.

Мы констатируем такую доминанту полового инстинкта в животном мире, которая выглядит анти-целесообразной: умереть без всякого толка вместо жизни и возможного в будущем размножения.

Как же так?

5. Наблюдаются и другие «нецелесообразные» проявления полового инстинкта у животных. Скажем, гомосексуализм селезней или мартышек. Или кобелек, пытающийся совокупиться с диванной подушкой или вашей ногой. А яснее всего – онанизм высших обезьян.

Животное не шибко рассуждает. Оно хочет. Ему потребны ощущения. В данном случае – доминирует потребность полового удовлетворения.

Дети от этого не рождаются. С точки зрения размножения это нецелесообразно. Но для особи это целесообразно с точки зрения удовлетворения непреодолимой потребности в ощущениях.

6. Целесообразность размножения – через особь являет себя как целесообразность получения половых ощущений.

Животное, при отсутствии «рационального мышления», стремится к этим ощущениям гораздо «прямее», чем человек. Заменить секс ему нечем, оно спортом и бизнесом не занимается и в кино не ходит.

А ощущения эти и потребность в них так сильны, что сильнее некуда. Ведь в основе их – базовый инстинкт жизни всего вида.

7. Поэтому потребность в партнере сильнее потребности жить, в общем, в принципе. Перефразируя старую римскую поговорку: размножаться необходимо, жить не так уж необходимо.

Наличие партнера, постоянная возможность обладания им – для животного есть самый главный момент жизни, более ценный, чем индивидуальное существование. Эта «главность» и «ценность» живут в животном на уровне ощущений: есть партнер – желанно, хорошо, положительно, нет партнера – нежеланно, плохо, отрицательно.

Индивидуум стремится испытывать одно и не испытывать другое.

А что такое пара ощущений «хорошо-плохо»? Это кнут и пряник. «Хорошо» – природа манит к этому ощущению пряником. «Плохо» – гонит кнутом от этого ощущения к противоположному, к «хорошо».

«Хорошо-плохо» – это диалектическая пара, одно определяется через другое и одно не существует без другого. Как бы ты узнал, что это хорошо, если бы никогда не испытывал ничего другого.

«Хорошесть» наличия секса соответствует «плохости» его отсутствия. Способности к этим ощущениям заложены в устройстве центральной нервной системы. И – такая штука – они взаимонезаменимы!

Нет боли – как узнаешь, что необходимо лечиться? Отсутствие понятия «болезнь» влечет за собой и отсутствие понятия «здоровье» – одно определяется через противопоставление другому. Нет голода – как узнаешь, что необходимо насытиться? Не страдаешь от отсутствия секса – как узнаешь, что надо совокупиться?

Нам нужен кнут. Поймите и запомните это хорошо. Через кнут мы ощущаем необходимость пряника. Через избавление от страдания познаем наслаждение и счастье.

Нежелание, избегание, боязнь кнута – есть вечная и обязательная половина потребности в прянике, где вторая половина – положительные стимулы: желание, стремление, радость.

Стремится ли сознание особи к тому, чтобы кнута вовсе не было, чтоб оно о кнутах даже не подозревало? О нет! Оно именно стремится к тому, чтоб кнут был, чтоб было знание о возможности подстегивания, чтоб угроза кнута наличествовала всегда, ибо через степень болезненности кнута постигается степень сладости пряника. Равнозначная равновеликость и взаимообусловленность.

Короче: индивид не мог бы испытывать такую радость от наличия партнера, если бы не мог испытывать такое горе от его отсутствия.

Это своего рода «зеркальный» комплекс «дву-ощущения». Чем больше растет одна половина – тем больше и точно так же растет и другая. Как сила действия и противодействия, как два равных груза на перекинутой через блок веревке.

Вот таким макаром внушает животному инстинкт размножения, что партнер ему важнее жизни. И когда животное чахнет и гибнет без партнера – целесообразность здесь не в

наличии-отсутствии механической возможности размножения. Эта целесообразность, повторим еще раз, заложена и являет себя на уровне психологических побудительных мотивов, на уровне положительных-отрицательных ощущений. А отрицательные ощущения здесь необходимы, потому что без них невозможны положительные.

И вот – нет партнера. Отняли, застрелили, волки съели. Мышка устроена просто, она утешится быстро, ее все хавают, ей надо размножаться любой ценой. Но мозги у всех, даже маленькие, устроены чуток да по-разному. И маленький волнистый попугайчик, куда менее плодовитый, чем мышка, уже может и вовсе не утешиться, и однажды утром будет лежать в клетке лапками кверху. Не говоря о лебеде.

Затухание сенсорной доминанты. Это по-научному. А по-простому – жить больше незачем. Исчезло то, что было самым дорогим в жизни, самым ценным, дороже собственного существования.

Вот вам и «избирательный половой инстинкт». Не так все просто.

Метафора «без любимого не жить» становится простецкой реальностью. *Ценность партнера определялась мощью положительных ощущений. И одновременно – мощью возможных отрицательных ощущений от его отсутствия.* Мощь эта такова, что сбивает нормальное функционирование всей центральной нервной системы. Гибель организма.

Самоубийство лебеда – предельно конкретизированный случай этой общей закономерности для многих существ.

8. А теперь вернемся к людям с их вечной головоломкой «загадочности» любви.

Является ли любовь условием, необходимым для размножения? Отнюдь, скажет каждый, и первые ряды будут состоять из мужчин.

Является ли любовь условием, необходимым для социального института брака и семьи? Тоже нет, повторит эхо, и на этот раз первые ряды будут состоять из женщин.

Кто ж не слышал и не знает, что брак по расчету устойчивее и прочнее брака по любви. Что для брака предпочтительней дружба, похожая на любовь, нежели любовь, похожая на дружбу. Что «брак по любви – белые ночи и черные дни».

Общность взглядов и целей, общность ценностной ориентации, как выражаются социопсихологи, – это главнейшее для долгого и прочного союза. Когда люди здраво и трезво, рассудочно, оценивают и анализируют ситуацию – они вернее создадут устойчивую семью. Ведь характер, ум, привычки, душевные качества – они остаются навсегда в том человеке, с которым живешь. А страсть – искры летят, а приостынет – и что там будет, как будет? Влюбленный не заглядывает в будущее с линейкой и калькулятором, он мечтает, он грезит и верит, а, все устроится, как-нибудь, главное – быть вместе.

Читатели, критики, социопсихологи давно стали задавать идиотскую задачу: все романы о любви кончаются свадьбой, а вы опишите их жизнь через пятнадцать лет – денег мало, он шляется по друзьям, она неряшлива и плохо ведет хозяйство, первый огонь любви остыл, ничего завидного.

А их друзья, женившиеся без такой «ах-любви», живут не хуже них, а, скорее, лучше: без скандалов, без разочарованности, и быт лучше налажен, и карьера успешнее.

Естественно: друзья, вступая в брак по расчету, думали об удобстве его для создания своего дома и рождения детей, для успехов материальных и карьерных. Добыть денег с приданого, обрести родственные связи в верхах и пр. Материальную базу никак со счетов не спишешь. Влюбленным же гони мигом рай в шалаше! И вот любовь прошла, а шалаш остался. А расчетливые друзья во дворце.

И более того, более того! Можно влюбиться в человека, который не в состоянии иметь детей! Сколько на свете влюбленных бездетных пар, стоящих в многолетней очереди на усыновление чужого ребенка! И ведь тот из двоих супругов, который сам не бесплоден, но уже давно осведомлен о бесплодии другого – продолжает любить его, коли брак был по любви,

жалеть, заботиться, опекать. А ведь имеет возможность развестись и вступить в другой брак, где будут и дети, и деньги.

А девушки, любящие знаменитых старцев! А те, кто продолжает обихаживать любимых жен или мужей, ставших безнадежными калеками в результате несчастных случаев или болезни!..

Итак, любовь не только не необходима для размножения и брака. Любовь может противоречить самой своей основе, самой своей биологической сущности, на которой она же и базируется, – противоречить деторождению.

9. Хорошо. Любовь – начало чувственное, а не рациональное. И чувство ориентируется не на рациональный прогноз желательных результатов – умом вычислять здоровье будущих детей и материальный достаток семьи. Чувство ориентируется на сумму явных признаков, которые воспринимаются как залог того, что с будущими детьми будет все в порядке. Тогда – в основе лежит сексуальная привлекательность...

Женщина должна быть стройна, красива, с большой грудью и широкими бедрами. Готова качественно выполнить предназначение природы – рожать детей. Мужчина должен быть рослым, мускулистым, с мощными плечами и руками – добытчик и защитник. Он должен быть силен, храбр, энергичен, а также невредно быть умным, – самец первого сорта, преуспеет в жизни, и дети от него будут хороши. Ей желательно быть кроткой, привязчивой, верной, хозяйственной, не давать первому встречному – надежная хранительница семейного очага.

Вот примерно так вульгарный позитивизм рассматривает целесообразность половых признаков и особенностей.

Действительно, на таких особей повышенный спрос, конкуренция претендентов – казалось бы, казалось бы... Тогда все должны любить самых красивых, и никто не должен любить самых некрасивых. И тогда что? Некрасивые вымрут, а красивые размножатся, тем лучше для человечества в целом. Ан на деле этого не происходит.

Некрасивые тоже хотят размножаться, и успешно это делают. Мало того: они тоже любят друг друга, и не слабее красивых. Более того, и что характерно:

Красивая пара – большая редкость. Обычно хорош только один из двоих. И все судачат за спиной: «Такой мужик, да за него любая пойдет, чего он в этой мымре нашел», или: «Да она могла отхватить себе кого угодно, на что ей этот дохляк сдался...»

Если у красивого есть возможность любого выбора, почему он не выбирает неукоснительно себе в партнеры тоже самую красивую? Другие достоинства перевешивают? А если нет там никаких особых достоинств – как чаще всего и бывает?

И почему, наконец, красивые так же часто (если не чаще!) несчастливы в любви, как некрасивые?..

И тогда мудрецы качают головами и говорят о неисповедимости любви.

Но подождем качать головой, чтоб не отвалилась. Она не для того, чтоб ею качать, она для того, чтоб ею думать.

10. Вот добрачная связь: женщина любит мужчину, а он лишь позволяет любить себя, ему с ней неплохо и только. Она красива, сексуальна, умна, порядочна, эта связь ему приятна и льстит и он прекрасно понимает, что она будет прекрасной женой, ну во всех же отношениях устраивает. Но не любит он ее, и все тут. И хочет не очень-то почему-то. И проходит время, и они расстаются, и благополучно живут в браке с другими, и вот годы спустя он вспоминает ее и недоумевает: да почему же он ее не любил? Да ведь она была лучшей женщиной в его жизни. Причем он это и тогда понимал. А вот не тянуло...

А ведь и счастлив бы с ней был, она и в постели была прекрасна, и всем хороша. Да ему явно должно было быть с ней лучше, чем с последующими, и чем с нынешней женой. Вспоминает, мечтает и вздыхает. Ах, хороша. Эх, опять бы. Вот незадача, не хотелось.

Аналогичным образом и женщины отшивают достойных воздыхателей, чтобы потом раздумывать иногда о собственной незадачливости и превратностях любви.

Резюме. В условиях полной свободы выбора человек выбирает («любит») не идеального и не лучшего (и на свой собственный взгляд не лучшего!!!) партнера. И говорит: «Не по хорошу мил, а по милу хорош». И терпит некоторые физические и нравственные недостатки избранника, а у отвергнутого этих недостатков не было.

11. Обыкновенная вещь: она его не любит, а упрекать его не в чем, и ей даже самой как бы неловко, что она его отвергает, и со всей искренностью она говорит: «Ты очень хороший, лучше тебя я никого не знаю, но...» Это «но» означает: всем ты хорош, а вот не люблю. И никого сейчас не люблю. Чего-то не того мне надо. Или второй вариант: а люблю Ваську из соседнего дома, он выглядит во всем хуже тебя, но люди просто не понимают его, а на самом деле он хороший, но я не умею этого объяснить. И рвется за него замуж, и уж он ей покажет супружеское счастье, будет ей и любовница на стороне, и синяк под глаз.

И с тупым Васькой она будет изредка счастлива донельзя, а чаще рыдать будет и участь свою проклинать. Но будет жить. А с тобой, таким хорошим, все будет гладко, но будет подташнивать от твоей хорошеи, и счастья такого не будет.

В чем же смысл такой любви? Разводят руками мудрецы и бороды себе дергают.

12. Вы думаете, привлекательная и очень темпераментная женщина остановит выбор на мужчине, который в постели обеспечит ей небо в алмазах? Если бы. Чаще она полюбит такого, с которым (о, у него масса своих достоинств, конечно!) она все больше остается сексуально неудовлетворена. И у нее невроз. И она мастурбирует. И наставляет мужу рога. И живет, и любит!! За душу, за деньги? Если бы. Как обычно – неясно за что. Либо она считает его красивым, либо лихим и храбрым, либо благородным и беззащитным, нуждающимся в опеке и ласке, либо непризнанным гением, с видимыми ей недостатками мирится, а видимых ей достоинств не видно никому, кроме нее самой.

А по ней такие орлы сохли! Ау, любовь, где твоя целесообразность?..

13. Вы думаете, мужчина в результате женится на женщине, близкой к его идеалу? Смотри пункт 10. Он почти всегда устроится так, чтоб испытывать дискомфорт от недостатков жены по сравнению с желанными достоинствами женщины, которая могла бы у него быть. Причем не в расслабленных грезах могла бы быть, а и реально запросто и несложно. Или уже была. Это может относиться и к физическим, и к духовным данным избранницы.

Почему ж ты не полюбил другую, балда, не женился на другой? Из двух одно: или она не нравилась (постфактум-то понравилась), или «любовь не получилась». И всегда найдутся причины и объяснения!

14. Подытожим, что у нас пока получилось:

Для размножения любовь необязательна, а бывает вредна.

Для брака любовь необязательна, а бывает вредна.

В любви редко выбирают наилучшего из возможных партнера.

В любви редко получают то счастье жизни, которого хотят.

15. Любовь зла, полюбишь и козла. В этой народной мудрости дивно отражена нецелесообразность любовного выбора. С другой стороны, гуманисты человеколюбиво утверждают, что каждый человек достоин любви. Они тоже правы, гуманисты, – опыт практики на их стороне.

В большом городе и выбор большой, и можно считать, что твой избранник – один из миллиона. А в деревне – выбор маленький. А замуж надо – семья, хозяйство, как же жить без этого. А парней всех девять человек. Так что, и любить некого? Да нет, конечно, если избранник кажется единственным в мире, а мир состоит из еще восьми его конкурентов – то размер этого мира никакого значения не имеет.

Можно не встретить свою любовь в Москве, и найти ее в геологической партии, скажем, где всех баб три, и все три страшнее пленных румынов, в Москве ты бы на них и не взглянул никогда. Условия, обстоятельства, сотрудничество, узнать человека, и др. и пр.

Сколько любовей начиналось на пляжах и в турпоходах, на танцах и вечеринках. Ну, условия такие, располагающие. А что, не было бы этого пляжа – и не полюбила бы никогда никого?

В ком живет любовь – в любящем или в любимом? В любящем, да? Дело ведь в субъекте чувства, а не в объекте. Миллион в городе или десять в деревне – выбор условен.

Сколько бывало случаев, когда девушка влюблялась в кого-то заочно, а потом вместо него «подставлялся» не тот, ошибка происходила, ждала на площади героя, а подклеился проходимец – и бац! получал проходимец всю дозу любви, сначала предназначенную совсем не ему, но когда любовь уже оформилась в чувство к определенному объекту – заменять его поздно, первоначальный избранник опоздал, поезд ушел, место занято.

Объект случаен, выбор произволен, диапазон выбора весьма широк. Успех в любви во многом подпадает под универсальный рецепт успеха – в нужном месте в нужное время. Выбирают из того, кто есть.

Способность к любви, возможность любви – заключается в самом любящем. Есть у человека потребность в таком чувстве, кто ж этого не знает. И чувство ищет объект своего приложения. Оно разума не слушается, у него свои законы, ждать в «законсервированном» состоянии «достойный» объект ему трудно. Невтерпеж! Вот и подворачивается порой черт знает кто.

Размножаться, говорите, пора? Смотри пункт 14.

16. Любовь редко бывает взаимной. Посмотрите по сторонам, послушайте друзей, обратитесь к опыту мировой литературы и истории. Чего тут доказывать, это факт, а не реклама. Вот так она устроена. Чем больше женщину мы любим, тем меньше больше нам она, как удачно выразился классик.

...А взаимная любовь редко бывает счастлива и благополучна. Какие-то препятствия, разлуки, моральные нормы и законы, неодолимые барьеры, свои и чужие дети и родители, приказы начальства и государственные границы.

В чем дело????!!

17. А теперь вернемся к белым лебедям. И спросим себя, что такое любовь.

Двое хотят быть друг с другом, ласкать друг друга, спать друг с другом, вместе рожать и воспитывать детей, наживать добро, смотреть мир и разговаривать обо всем на свете. Это любовь? Еще нет. Все компоненты наличествуют, но любви тут может и не быть. Взаимное влечение, симпатия, склонность, общность взглядов, естественная потребность иметь свой дом и свою семью, детей, близкого человека. Можно любить ребенка и не любить его отца (или мать). Хотеть переспать, но можно спать и с другой. Хотеть разговаривать, но можно разговаривать и с другим.

А если тебе откажут? Не получилось? Печально, но мир не перевернулся. А заменить кандидата другим можно? Можно, особенно если тот еще и лучше. И вообще в жизни много хорошего и интересного.

Вроде бы любовь и есть – но (это очень важно! принципиально!) человек не выходит за пределы своих индивидуальных, эгоистических нужд и желаний. *Его чувство не выходит за пределы направленности на себя самого.* Его чувство обслуживает интересы его личности. Оно рационально: все, что он хочет, естественно, полезно и приятно. Заботиться о другом приятно, и жертвовать какими-то удовольствиями ради другого нетрудно, это естественно, это входит в общее устройство жизни.

Любовь – это та степень чувства, когда оно достигает нерациональной силы. У человека «съезжает крыша». Он находится как бы в состоянии постоянного аффекта. Очаг возбуждения центральной нервной системы так активен, что становится постоянной психической

доминантой. Это совершенно сродни тому, что психиатры называют «синдромом сверхценной идеи» – придумал человек какую-то ерундовину, а возбужден так, будто совершил мировое открытие, искренне считает так и только ради этого и живет... бедолага. Истинно влюбленный – это параноик, маньяк, что с него взять.

А доминанта центральной нервной системы подчиняет себе и гасит другие очаги. Есть не хочется, пить не хочется, спать не хочется. Отвлечься ничем невозможно. Смотреть кино неинтересно, путешествовать неинтересно, работать и зарабатывать деньги неинтересно, и все помыслы только о своей любви и любимом.

Что с него взять? Сумасшедшего даже суд не казнит, отправить его в камеру на лечение, несчастного.

Никто любимого не заменит, ничего с другим не хочется. Как давно замечено, «влюбленный – самый целомудренный мужчина, ему нужна только одна женщина».

Если все хорошо и благополучно – то любовь от просто удачного взаимосимпатичного союза не отличишь, без любви даже может быть больше расхожей внимательности, ласки и вежливости. А вот если что плохо, то любовь – это там, где летят искры и трясутся стены. «Если ты никогда не будешь меня бить, как же я узнаю, что ты меня любишь?» – простодушно спросила папуаска. Нет, не жлоб-алкаш, который всегда жлоб, а тот, который может заваливать цветами и сдувать пылинки, а вдруг размолвка – и темпераментный итальянец бьет посуду об пол, а голову – об стену, а флегматичный удмурт идет в сарай вешаться.

Самая дежурная характеристика любви: «Я не могу без него/нее жить». И сразу все понятно.

«– А ты можешь ради меня прыгнуть с моста? – Да! – А ты можешь ради меня совершить преступление? – Да!» и т. д.

Ушел бы честный Хозе из солдат в разбойники, если бы не любил Кармен? Убил бы он ее, если бы не любил? Да на фиг бы она ему сдалась, подпоил бы после службы любую девку и завалил на лугу.

Суицид из-за несчастной любви – обычный вариант. Вешаются, стреляются, бросаются с мостов и на рельсы, пьют снотворное, уксусную эссенцию и крысиный яд. Боже!

Убийство из несчастной любви, как правило в ситуации ревности, – чего обычнее. На улице и на кухне, ножом и гантелей, обдуманно и вдруг, – тома уголовной хроники.

Есть в этом чего рационального? Разве что момент избавления от страданий.

А и ничего не делает с собой – может угаснуть безо всякого стороннего вмешательства. Нарушается обмен веществ, снижается иммунитет, не проходит депрессия, человек становится добычей туберкулеза, пневмонии, язва желудка развивается и все что угодно вплоть до инфарктов.

Чувство делается самодовлеющим. Человек из эгоиста превращается в раба своего чувства, обслуживает его, подчиняется ему. Невыразимое блаженство ему наградой, ужасные страдания вплоть до смерти – карой.

Это больше твоих эгоистических интересов. Это больше тебя самого. Любимый для тебя – значительнее и главнее тебя самого.

18. Степень чувства бывает трудно определить через позитивные проявления. Ну, ласки, совместное времяпрепровождение, все хорошо и отлично, но есть и иные радости и ценности. Но через негативные проявления – через страдание, если невозможно быть с любимым, разделить с ним свое чувство, обладать им, – степень чувства определяется очень ясно.

Без страдания человек не мог бы определить, насколько он любит, и любит ли вообще.

Массу примеров может привести себе каждый: когда все было хорошо, он/она не ценил/а то, что было, этому не придавалось особого, сверхценного значения, а как потерял/а, так стало понятно, как много это чувство для человека значит. Ага.

19. Стремясь избавиться от страдания, человек развивает большие душевные усилия, чтобы сделать свою любовь счастливой, разделенной, быть с любимым и обладать им. Работает «кнут». И здесь счастье определяется через свою противоположность, как избавление от страдания. Чем больше страдание – тем больше счастье от него избавиться. (Поэтому «пессимист» Шопенгауэр и полагал счастье вообще категорией негативной: страдание всегда наготове как стимул к любому действию и к исполнению любого желания, а счастье – всего лишь избавление от страдания.)

20. Поэтому многие люди нередко декларируют, или даже действительно стараются, избегать любви – чтобы не подвергать себя вероятным страданиям. «Я больше не хочу страдать», – вот обычный аргумент девушки, которая однажды уже обожглась на несчастной любви.

Но от человека это зависит очень мало. А в конечном итоге – вообще не зависит. Можно волевым усилием подавить в себе хрупкие ростки только-только зарождающейся любви, еще не любви даже, а только ее возможности, которая вырисовывается из первых шагов к сближению. И сожительство с ровным удовольствием, без скандалов и страданий. Пройдет время – и другой человек, в другой ситуации, вызовет у тебя это чувство. А у натур сильных и волевых будет еще хуже: подавляемые эмоции раньше или позже вылезут депрессией, нервным расстройством, физиологическими нарушениями, и страданиями уже на более абстрактную тему: бессмысленность жизни, отсутствие цели, невозможность насытить жизнь положительными эмоциями – короче, в жизни человека не оказывается того самого счастья.

И партнер есть, и деньги, и все благополучно, а мечется человек внутри себя, и все ему плоховато.

Ты не хотел счастья через страдание? Так ты получишь страдание без счастья. С этим делом у природы не заржавеет. Ты что, ее обмануть решил? Балда.

21. Каждая вещь стоит ровно столько, сколько за нее заплачено. Дивный тезис. Как все банальные истины, подтвержден веками.

«А теперь, чтоб любовь разгорелась, создадим им препятствия». (Читайте, читайте Шекспира, вот он понимал жизнь.)

«Разлука гасит слабую любовь и раздувает сильную». Ну, и далее по «Миру мудрых мыслей».

Выражаясь простым языком – страданиями человек платит за счастье любви. Трудности, препятствия, разлуки, вариантов масса.

За все надо платить, без труда не вытащишь рыбку из пруда, любишь кататься любви и саночки возить, и т. д.

«Если тебе нужно что-то – возьми это и уплати положенную цену», – сказал Эмерсон. А за что ты ничего не заплатил – то для тебя ничего не стоит, отозвался народ.

22. *Стремясь к любви – человек стремится к такому чувству счастья, которое всегда способно обернуться страданием.*

23. Почему во всех великих произведениях мировой литературы о любви, любви прекрасной, высокой, непреодолимой, – изображаются всяческие страдания двух влюбленных (реже одного, несчастно влюбленного)? Почему вообще произведения о великой любви тяготеют к жанру трагедии? А если даже «конец хороший» и любящие счастливо соединяются – то перед этим они страдают и терпят всяческие лишения, преодолевая массу препятствий?

А потому что иначе никак не показать силу их любви. Ну милуются, ну заботятся... Когда все хорошо и благополучно, каждый может выглядеть любящим (см. п. 17). А вот когда прищучит покруче, становится видно, кто чего стоит, и каково было чувство на самом деле.

«Вот на что способна любовь, вот какова ее власть и сила», – говорят трагедии и легенды. И плачет публика, и завидует, и мечтает каждый о таком же прекрасном чувстве для себя.

24. Но в мировой литературе страдают от любви всё больше люди, у которых есть на это страдание время и деньги. Или они рыцари, или они дворяне, а если даже и работают –

от работы не переламаются: условные пейзажи среди лугов и венков, наемные служащие с изрядным досугом и гениальные поэты, для которых страдание – просто-таки тема творчества, рабочий материал, так сказать.

Любовь окружена какой-то роскошью, некоторой праздностью, она приподнята над бытом. Знаки проявления любви оттачиваются и изощряются культурой. Наворачиваются всякие ритуалы, манеры, обычаи, груды красивой атрибутики. Цветы, драгоценности, стихи и подвиги. Серенады и поединки.

То есть: чем выше уровень культуры общества, тем больше у влюбленного возможностей выразить свою любовь через внешние проявления. Возникает отдельная культура любви: речи, музыка, вздохи, подарки, прогулки, и несть числа.

Это обычно и позволяет сделать традиционный вывод, что любовь – это сильно «окультуренный» человеком половой инстинкт. И что «любви удостоиваются высокие души». А низкие души женятся по расчету и совокупляются из похоти.

И то сказать, представьте себе двух нищих косноязычных уродов на тряпках в углу – это любовь?! От этого тошнит... Любовь – это бархатный камзол, бездонные глаза и вечная разлука. Вот примерно такой ассоциативный ряд.

И вообще чтобы мечтать и страдать, тоже нужно время. Чтобы испытывать блаженство любви, тоже нужны силы. Загнанной ломовой кляче не до любви, она от отдыха кайфует, и ни о чем больше не мечтает. Это Вертер может страдать и плакать. А если ты по двенадцать часов корячишься в шахте, чтоб прокормить братьев и родителей, тебе мечтать некогда.

Получается так: с развитием цивилизации жизнь делается безопаснее, сытнее, высвобождается часть времени для досуга, уже не все силы расходуются на физическое выживание среди стихий и хищников, и некоторая часть чувств дополнительно направляется на базовый половой инстинкт. И постепенно «окультуривается».

Опять же получается: половой инстинкт превращается в любовь по мере «окультуривания» человека с развитием цивилизации.

25. В пользу этого говорит и тот известный факт, что тяжелая работа, особенно если она обязательна, отвлекает от страданий любви и уменьшает их. Это знают и прачки, и архитекторы. Тебе плохо, тяжело, нет сил переносить страдание, разлуку, потерю? Меси тесто! Стирай белье! Грузи мешки! Устанешь до изнеможения – станет легче.

Логично: любое действие координируется очагом возбуждения в мозгу, и этот очаг возбуждения «отсасывает» часть возбуждения от доминирующего очага, чувство страдания уменьшается.

Поэтому ложится в постель и угасает от страдания любви тургеневская барышня, Наташа Ростова, дама в замке. А крестьянской девке, страдай не страдай, пахать надобно: скотину затемно напоить-накормить-подоить-в поле выгнать, воды наносить, печь истопить, еду приготовить, белье постирать, к вечеру ноги не носят, ей лежать и угасать некогда. У нее жизнь и без того тяжелая, дела полно.

Она, конечно, страдает тоже, но разве так сильно, как ее барыня?..

26. Так вот, на всю эту «культуру любви» можете наплевать с того этажа, на котором живете; можно с крыши. Ерунда это все, милые. Вы еще не забыли разбившегося лебедя и сдохшего попугая?

Во-первых, человеку естественно хочется ассоциировать любовь с праздником, показывать неординарность, показывать красоту этого чувства. И в культуре, в литературе красота чувства передается через красоту всего, чего касается любовь, чем она сопровождается: прекрасны влюбленные, их лица и одежды, их жилище и их вещи, их слова.

Второе: чем значительнее и заметнее человек, тем и все его чувства заметнее людям и интереснее им. Герой, рыцарь, правитель, как сейчас – политик или кинозвезда, оказываются в центре общественного внимания, его браки-разводы, его постели и страсти через газеты и

телевидение входят в мозги масс, на его биографии наживаются издатели. Вот он застрадает, упадет в депрессию – и рухнет его финансовая империя, завалится многомиллионный кино-проект, есть о чем поговорить.

Третье: в страданиях героев персонифицируются страдания всех. Перефразируя газетную шутку-истину: страдания одного – это человеческая трагедия, страдания миллионов – это статистика. Мы помним пятерых повешенных декабристов – где скорбь по сотням расстрелянных солдат, которых вывели под картечь эти горе-переворотчики? Где страдания и смерть десятков тысяч солдат, которых уложили в землю великие триумвиры Цезарь, Помпей и Красс? Солдаты Плутарху неинтересны... Плач по Ромео и Джульетте – это ведь плач по всем влюбленным мира.

Четвертое: вся мировая культура – это «барская» культура. Умные, образованные, высокодуховные люди почти всегда – почти всегда! – писали о себе подобных. Или о тех, кто выше, потому что любой человек стремится вверх, а не вниз, и ему интересна жизнь верхов, она влечет его к себе, а не жизнь низов. В конце концов, любой литературный герой – это одна из ипостасей самого автора, а автор – он человек, а человек – он ограничен. Косноязычные простяги книг не писали и легенд не слагали. Если они весьма обойдены вниманием мировой культуры, которая предпочитает людей чем-то примечательных и выделяющихся, из этого еще не следует, что они недочеловеки, верно?

И пятое, пятое, пятое! Самоубийства из-за несчастной любви у «простолюдинов» отнюдь не реже аналогичных суицидов у «культурных»! Трех слов увалень связать не может и норовит избранницу за задницу в сарай заволочь... хам. А выдадут ее за другого – он пойдет и повесится. Тупая у девки рожа, и руки мозолистые, и сохнет она по парню неинтересно и молча, без отрыва от производства. А потом наложит на себя руки, побежит и утопится в омуте. Неумение выразить свои чувства еще не означает их отсутствие, верно. Как ей их выразить? Вздыхает, да из рук все валится.

27. Мало кто из людей был занят больше, и работал более напряженно, чем Наполеон в Итальянскую кампанию. Он уже переворачивал мир, и все висело на нем, и все проверял лично, и речь шла о жизни и смерти. И каждый день он писал пылающие любовью письма к Жозефине, томясь разлукой и страдая от ревности! История знаменитая. А вы говорите – занятость... Аспирин, конечно, помогает при головной боли, но туберкулез холодной повязкой на лоб не вылечишь.

Уж пехотинец на передовой работает тяжелее любой скотины. Получает письмо об измене любимой – и начинает откровенно искать смерти в бою. Или вообще стреляется – это на фронте-то! Истории нередкие. Посоветуете ему дрова колоть, чтоб отвлечься?..

Никакие путешествия, приключения, опасности и труды не перешибали в человеке страдания любви. Отвлекали, ослабляли, помогали переносить – но в принципе ничего не меняли.

28. Короче, любовь – это страшная сила; и губительные последствия ее неисчислимы.

Теперь перечитайте пункт 14 и прибавьте к перечню в нем еще несколько положений:

Сила любви определяется через силу страдания.

Сила любви не зависит от степени «культурности» человека.

Страдания любви очень мало поддаются излечению.

Попытка избежать страданий волевым подавлением самой любви ведет к неврозам, т. е. расстройству центральной нервной системы.

Любовь есть гипертрофия полового избирательного чувства сверх разумной индивидуальной целесообразности.

29. Вот с этой целесообразностью у нас пока выходила незадача.

А вы слышали когда-нибудь: «Замуж хочу – дом сворочу»? А о том, что любовь горы переворачивает, тоже слышали?

На что готов влюбленный, чтоб счастливо соединиться с предметом своей любви? На все он готов.

А силы откуда? А найдутся. Все забросит, а соединением с любимым будет так заниматься, что без экскаватора пророем тоннель под Ла-Маншем. Да ему на месте не сидится, не спится, он расхаживает непрерывно, обмен веществ резко увеличивается и он быстро худеет, иммунитет резко подпрыгивает, никакая хворь его не берет, давно сказали: «Солдаты и влюбленные не болеют» (это если есть надежда, конечно, но в большинстве случаев она есть, смерть одного из двоих или гарантия пожизненной разлуки – это в меньшинстве случаев).

Ресурс энергии организма, как мы знаем, у человека изрядный. В любви мы имеем сильнейшее перевозбуждение центральной нервной системы. Протуберанец нервной энергии! А если получается направить его в мирное русло? На целенаправленное достижение цели?

О, каких только невероятных подвигов не совершали в истории влюбленные! Какие феноменальные возможности человеческого тела и духа демонстрировали!

Способность к страданию – это ресурс прочности брачного союза.

Способность к страданию – это ресурс дополнительной энергии человека, преобразующего окружающий мир «попутно» со стремлением к единению с партнером.

В обыденной жизни любящий подобен вооруженному воину в латах: меч на боку топорщится, копьё занимает руку и задевает люстру, панцирь рвет обивку дивана, а шпоры царапают паркет. Вилку держать в железной рукавице неудобно. Шлем мешает слышать, забрало мешает видеть, чисто слон в посудной лавке, каждое неловкое движение чревато ущербом домашнему хозяйству: чуть что – звон и треск. Но если запахнет угрозой – он во всеоружии, хана врагам, семейный очаг надежно защищен.

На случай опасностей и трудностей – это отлично, а пока все в порядке – только мешает. А что делать?.. Жизнь всегда готова выдать неожиданные гадости, на тишь да гладь природа не рассчитывает.

На поединок? Выйдет против сильнейшего, без любимой все равно не жизнь, любые рассуждения тут побоку. Заслонить собой от опасности? Да за счастье почтет. Спасти из огня, из воды, из пропасти? О чем вы говорите, сам погибнет, но спасет. Да любовь удесятерит силы, он берсеркер, он же одержимый! Деньги необходимы? Заработает, выиграет, найдет, украдет. Он ногтями выроет подкоп из темницы, руками медведя задушит, море переплывет.

Вспомните испытания женихам в мифах и сказках. Победитель делает то, что нормальному человеку просто не по силам. Он готов объявить войну соседнему государству, мечом добыть королевскую корону, стяжать славу и заработать миллион.

Да это тот же естественный отбор. Побеждает сильный. Тот, кто способен развить бо́льшую энергию. А энергии у влюбленного – хоть отбавляй.

Соперник сильнее тебя? Ее могущественные родители против? И вообще ты ей не нравишься? Двадцать четыре часа в сутки будет думать влюбленный, как исхитриться и обломать всем рога, как уничтожить соперника, вывести из игры, победить неожиданным приемом. Из кожи вон вылезет. Кроме любви для него ничего не существует.

Желающий лишь удовольствия с партнером – на рожон не поперет, жизнью не рискнет, все на свете не отдаст. На фиг надо, не свет клином сошелся. И проиграет вероятнее.

А в природных, первобытных условиях? В критических ситуациях? Не любящий предпочтет спасти себя. Любящий будет спасать любимого, покуда жив сам.

При любви – к инстинкту размножения подключается весь инстинкт жизни совокупно с инстинктом самосохранения. А без любимого все равно не жить. Хочешь жить сам – делай что угодно, но соединишься с любимым.

«Нецелесообразная» смерть ради любимого – это лишь частный случай совершенно целесообразных усилий по соединению с любимым (вроде как состояние покоя – лишь частный случай равномерного прямолинейного движения).

Все мы – потомки тех, кто умел любить великой любовью. Потому и выжили. И способность к этому чувству сидит в наших генах.

Сражаться с врагами и хищниками, отбивать пещеру и отмахиваться дубиной от конкурентов, гоняться за опасной добычей и спастись от стихий, выкручиваться из неожиданных напастей и невероятными порой усилиями обеспечивать выживание семьи – вот к чему должны были быть постоянно готовы наши предки, устроенные точно так же, как мы с вами.

И при равной силе и равном уме выживал тот, чье желание было сильнее. Чья страсть была сильнее. Тот, для кого любовь значила больше.

...Понять явление можно лишь тогда, когда проследишь всю тенденцию до логического завершения, упора, конца, крайнего случая. Так можно понять суть столба электропередач, лишь если дойдешь до электростанции с одного конца и лампочки с другого.

Поставим чистый опыт в крайних условиях. Мужчины отдельно, женщины отдельно. Между их территориями – полоса препятствий, проволока под током, минные поля и ловушки, и везде таблички честно предупреждают: «Стой! Стреляют без предупреждения». И действительно стреляют, суки, погибнуть – пара пустых.

Что делают здравомыслящие? Риск погибнуть велик, и избежать его по условиям задачи невозможно. Здравомыслящие налаживают возможно хорошую жизнь. Жилье, кормежка, досуг. В качестве удовлетворения половой потребности есть гомосексуализм и онанизм. И показывают друг другу трупы на полосе препятствий.

Что делают любящие? Страдают, чахнут, лелеют безумные надежды и вынашивают безумные планы. И лезут преодолевать полосу, потому что шанс ее преодолеть все-таки есть, а здесь они в разлуке со своей любовью жить не в силах. Желание их отчаянно!

И часть из них действительно достигает «территории любви»!

Кто-то бесшабашный и рискованный полезет и без любви. А кто-то любящий, но робкий и трусливый, зачахнет здесь. Но в основном соединятся любящие.

А полос препятствий в жизни до фига... И рядом с каждой всегда найдутся спокойные местечки.

Что ж гонит людей на полосы препятствий? Заманчивость пряника или непереносимость кнута? Если речь идет о том, чтобы преодолеть инстинкт самосохранения? Не в том дело, что пряник сладок, а в том, что без него жить невозможно.

Итак, для преодоления критических ситуаций, для мобилизации всех ресурсов организма, для вернейшего достижения цели – страдание целесообразно.

Это заградотряд с пулеметами позади наступающей цепи: в бою с противником ты можешь победить и уцелеть, но уж при отступлении свои пристрелят наверняка.

30. Другой «чистый опыт» – представим себе абсолютную первобытную анархию. Кто сильнее, тот делает все, что хочет. Гарем красавиц у самого сильного, «средние» подбирают тех, кем тот пренебрег, всем мужчинам женщин не хватает, слабым плохо, да и некрасивые питаются объедками.

Слабый не может занять место сильного. А если слабый полюбил красавицу из гарема сильного? Он думал дни и ночи и придумал, как свалить с горы камень сильному на голову. Или просто побежал с яростью отчаяния драться с сильным, сам изувечился до полусмерти, но и врага отделал, ну его к черту, такого претендента, себе дешевле обойдется, отдам ему одну, у меня еще есть, обойдусь и так неплохо. Или украл ее ночью, заткнул рот, взвалил на плечо и развил такую прыть, что не догнать, свалил за тридевять земель и стал там с ней жить.

В условиях обнаженной дочиста первобытной конкуренции получается так: нет большого желания – остался без бабы и не размножился. А силен не только мышцами и умом: страсть и отчаяние делают сильным.

А баба? А бабе без мужика хана-а, и детям тоже. Защитник и кормилец. Подложи лучший кусок, обереги сон, стереги костер, стань рядом в битве, если туго. Он за тебя и детей постоянно

жизнью рискует, все ему отдай и мало будет, чем в лучшей форме сумеешь его содержать – тем вернее семья выживет. А мужик твой хорош, другие-то, безбабные, слабее, хилее, глупее, где им толком семью прокормить или с врагами справиться. А уж и какой достался, береги, на всех приличных спрос, если что – уже имеющиеся жены зашибут тебя и вон выкинут, им с детьми самим еды еле хватает, чтоб на тебя отделять. Вот в таком примерно духе.

Нет, в условиях первобытной скудости, суровости и конкуренции целесообразность любви с ее ресурсом энергии и кнутом-страданием понять вполне можно. И самоотверженность ее понятна. Будь спокоен, любимый, будем вместе, выживем, прорвемся любой ценой, я не дам тебя в обиду, раньше сдохну.

31. «Чистый опыт» номер три. Один мужчина плюс одна женщина среди бескрайней и далеко не всегда приветливой природы. Для продолжения рода нужны двое. С точки зрения целесообразности природы тут единица равняется нолю. Если остался один – хоть тебя вообще не будь, природе уже все равно. И – «или выживем вместе, или не выживет никто».

За собственную жизнь борешься всем инстинктом самосохранения. За жизнь другого – инстинкт самосохранения прибавляется к инстинкту размножения.

32. «Куда же девается любовь?» в длительном благополучном супружестве, которому ничего не грозит – вот один из вечных вопросов. А уже нечего добиваться, нечего познавать и нечего хотеть. Семья создана, дело сделано, сверхнапряжения некуда прикладывать, да и поводов для них нет. Отсюда сентенция «Привычка убивает счастье».

33. В счастливом, благополучном, спокойном браке любовь (если она есть) живет как бы в «законсервированном» состоянии – оружие разряжено, смазано и спрятано в сейф. Но чуть что – малейший повод к обиде, сомнению, подозрению не в неверности даже, а только в возможности неверности – оружие вылетает на свет и затвор щелкает: у любящего начинаются бурные переживания и страдания. Любящий мнителен, воображение его гипертрофировано, он обидчив до невероятности, он из всего норовит устроить мелкую сиюминутную трагедию и скандал.

«Они любили друг друга так сильно, что частые размолвки между ними были неизбежны», – сказал мудрый Стендаль.

Жить в браке по большой любви психологически весьма трудно, а иногда просто невозможно: страсть требует выхода, а никаких позитивных выходов и целей уже нет. И двое изводят друг друга бесконечными и мучительными придирками, претензиями и сомнениями. Обычная причина размолвки любящих – просто потребность поскандалить и пострадать. О, вдвоем против целого мира, в борьбе с окружающими стихиями и врагами они бы выстояли и были счастливы вдвоем, а так что делать? Куда энергию любви девать, если все в порядке?

Размолвка, скандал – это малый предохранительный клапан для сброса излишка энергии (страсти).

Некоторое взаимное охлаждение, успокоение, уменьшение страсти в браке – это просто-таки защитная реакция организма. Во-первых, он не может долго и сколько-то нормально функционировать в состоянии любовного аффекта. Во-вторых, сколько-то долгий и прочный брак с воспитанием детей и т. п. также невозможен на перегретом котле воспаленной страсти и разпаленного воображения.

34. И наконец, наконец, наконец, после всех этих многочисленных выкладок, рассуждений и анализов мы подъехали к тем двум главным вопросам, которые так волнуют в свое время всех нормальных людей:

Почему любовь так редко бывает взаимна?

Почему любовь вообще так редко бывает счастлива?

Ответ: потому что любовь есть степень чувства, превосходящая эгоистическую меру, за которой наслаждение переходит в свою диалектическую противоположность – страдание.

Ответ: потому что любовь и познается через страдание.

Ответ: потому что любовь – это желание такой силы, что неудовлетворение его есть страдание (вплоть до смерти).

Ответ: потому что любовь – это инстинкт размножения, превосходящий инстинкт самосохранения.

Ответ: потому что любовь – это чувство такой силы, которое способно преодолеть любые препятствия, даже ценой жизни, причем преодоление их сулит наслаждение, а непреодоление гарантирует страдания.

Ответ: потому что любовь – это наслаждение такой силы, что любое нарушение его есть страдание.

Ответ: потому что любое желание порождает страдание при невозможности его удовлетворить, и чем сильнее желание – тем сильнее и страдание.

Ответ: потому что стремясь к любви, мы стремимся к наслаждению такой силы, любое неполучение которого есть страдание.

Ответ: потому что наслаждение и страдание любви диалектически неразрывны, одно суть продолжение другого.

Ответ: потому что любовь – это та главная ценность жизни, потеря которой не возмещается ничем.

Вся эта страница с десятком ответов – по сути один и тот же ответ, выраженный чуть разными способами. Полезно это только с точки зрения пушей обстоятельности и вразумительности.

35. Совет философов. Это советовал и Будда, и древние греки, и Шопенгауэр. Да, говорили они, желание всегда как-то трудно толком удовлетворить, а неудовлетворенное желание – это страдание. А счастье – это, собственно, частный случай страдания: ты удовлетворил желание, пока удовлетворяешь – счастлив, а потом – и страдания нет, и желания нет, из-за чего был сыр-бор?.. Отдохнул – и тут же возникло другое желание, и все по новой. Страдать и добиваться – трудно и долго, а удовлетворить и быть счастливым – это ненадолго. Получается, что желания и страдание возникают сами собой, а счастье – просто в том, чтобы избавиться от страдания путем удовлетворения желания. Итак, счастье – это, строго говоря, избавление от страдания.

Но ведь можно избавиться от страданий, и, значит, быть счастливым, другим и простым путем – а избавиться от желаний с самого начала. Нет желания – нет страдания – вот и счастье безо всяких хлопот. Сведем желания к минимуму: кроха еды, рубашка, навес от дождя, жив – и хватит: желаний нет, страданий от их неудовлетворения нет, вот и то самое счастье. А половой инстинкт надо изжить, погасить: аскеза, пост, молитвы, физические упражнения. И ничто тебе не страшно, и ничто не заставит тебя страдать.

Логично. И случаев таких полно. Съездите в Индию, съездите на Тибет. Да и приличный христианский монах недалек от такого мировоззрения.

Накладочка только в том, что таким образом на протяжении жизни одного поколения человечество вымрет, вместе со своими страданиями, разумеется. А вымирание человечества в задачи природы никак не входит.

Этот советик *противоречит энергетической эволюции Вселенной*. На минуточку.

Аргументов тут много, но совет людям бросить совокупляться вызывает здоровый смех аудитории. Это, значит, для того тебя предки на свет произвели, чтоб ты понял, что лучше б они этого не делали, а вымерли еще сорок тысяч лет назад? Съемка окончена, всем спасибо.

Мы нормальные люди, и оскопляться не хотим. Мы хотим любить и быть счастливы. И ждем от вас советов, как быть счастливыми, а не как вымереть. Нас интересует в частности, как быть счастливым в любви, а не счастливым без любви.

Мы даже согласны, что любви без страданий не бывает. Мы это знаем. Мы уже согласны и пострадать, но по возможности не очень сильно, не до смерти.

Так объясните нам, раз взялись, почему страданий в любви много, а счастья бывает так мало? Почему диспропорция такая? Ну было бы хоть пополам как-то.

Вы говорите, что наслаждение и страдание – суть одно и то же, в смысле одно переходит в другое и одно обусловлено другим. Ладно, можно понять и это. Но почему страдание без счастья встречается сколько угодно, а счастье без страдания – огромная редкость, если вообще встречается?

Ведь любовь должна бы быть взаимна если не в 50 % случаев, то хотя бы, ну, в 30 %, что ли, если следовать той логике, что счастье переходит в несчастье и прочее. Страдание подгоняет к наслаждению – ладно, понятно, – но почему так долго гонит и редко пригоняет?

36. Человек получает счастье и страдание «в одном флаконе». «В пакете». Он стремится к чувству, которое включает в себя и счастье, и страдание. Одного он хочет, другого он не хочет. Но стремясь к одному, он тем самым одновременно стремится и к другому. К счастью он стремится сознательно. К страданию он стремится подсознательно, бессознательно, иррационально, называйте как хотите, это неважно.

Он способен испытывать страдание? Так уже поэтому будет страдать! Реализация имеющейся способности – это уже жизненная потребность сама по себе. Его центральной нервной системе нужны сильные ощущения – и положительные, и отрицательные!

Влюбленному дороги его страдания! Понимаете? Он «не хочет» их, но вовсе выкинуть не согласен, в воспоминаниях они ему дороги, он находит в них отраду, черт возьми.

Любящий страдает потому, что это ему тоже нужно.

37. Но ведь страдания – не самоцель? Ладно, пострадал, подбивался, но ведь надо и добиться наконец, и счастливым побыть с любимым. А что за смысл страдать по неразделенной любви всю жизнь? Что за смысл всю жизнь прожить отдельно от любимой, скрывать чувства, перебирать бедные минуты свиданий?

Поехали.

Страдание – это неисполненное желание.

А как оно исполнится – это уже не желание.

А желания владеют человеком всю жизнь!

Еще раз, еще раз, еще раз, вспомним, вспомним, вспомним, что человек устроен с избыточным энергетическим балансом; что ему всегда всего мало; что функция его природная – переделыватель мира, и он всегда хочет не то, что есть, всегда ему нужно сделать иначе, чем уже есть; это неравновесие человека с окружающим миром и есть суть эволюции, прогресса, истории: еще, еще, еще! больше, больше, больше!

Из этого следует, что неудовлетворенность – нормальное, дежурное, естественное состояние человека – «человека переделывающего», «человека изменяющего» (каким он и является в первую очередь, а «человек разумный» по отношению к «человеку переделывающему» находится в положении подчиненном, служебном, разум обслуживает переделывание, но ни в коем случае переделывание не обусловлено разумом, это принципиально, это предельно важно понимать: разум есть орудие, форма, способ переделывания мира человеком, а в основе разума лежит не безжизненная «способность понимать», а избыточный энергетический баланс центральной нервной системы, избыток энергии человека как такового, избыток энергии заставляет человека все делать и переделывать, это приказ природы, а разум только обслуживает этот приказ, разум сам по себе велит лежать и ни фига не делать, самосозерцаться).

Человеку нужно не то, что у него есть. Человеку нужно то, чего у него нет. Что бы ни имел – ему нужно другое, иначе, не то, еще. Вот вам и страдание.

На уровне ощущений – есть потребность в таком ощущении.

На уровне действия в мире – это психологический аспект переделывания мира человеком.

38. В экстремальных условиях любящий, подгоняемый кнутом страдания, ради избавления от него и достижения наслаждения с любимым свернет горы, осушит пустыню, переплывет океан, победит всех врагов.

Человек создан с огромным ресурсом энергии на случай преодоления и выживания в самых экстремальных ситуациях. Человек создан с гораздо большим энергетическим запасом, чем любое другое существо, в чем и отличие его.

Любовь, инстинкт размножения, ценность № 1, обладает гигантским энергетическим ресурсом – на случай любых катаклизмов.

А что делать с этим ресурсом в обыденной и безопасной цивилизованной жизни???!!

39. Вот она, вот она простая истина:

Человек сам, добровольно, создает себе такой вариант любви, чтобы страдать.

40. Все обстоятельства, которыми он оправдывается, все аргументы, которые выставляет, – вранье. Всегда можно полюбить другого, всегда можно поступить иначе, всегда можно чем-то пожертвовать – если смотреть со стороны и оценивать ситуацию рассудочно. Пожимая плечами, мы говорим: «Любовь!...» – и это означает, что рассудок тут ни при чем, тут имеется страсть и потребность. А это потребность устроить себе именно такую жизнь, как вышла, будьте спокойны!

Кто заставлял? Только природа. И только потребность ощущать то, что он и стал ощущать. А уж обстоятельства он подтасует, за уши подтащит, не сомневайтесь.

41. Так что, человек создан для страдания? Старая песня...

Нет!

Э? Для счастья?

Тоже нет!

Человек создан *для всего*. И будет счастлив, и будет страдать, и с удивлением обнаружит ценность и отраду в своем страдании, и будет клясть свою жизнь, и все равно не захочет умирать.

И придерживался всегда примерно такого взгляда: жизнь плоха и тяжела, потому что я легко представляю себе жизнь легче и лучше, и хочу ее, и жаль, что она не легче и не лучше; но жизнь хороша, потому что в ней есть то-то и то-то, и самое главное, что она вообще есть, это так здорово, ведь меня могло не быть.

Страдать плохо. Но зато даже просто мечтать о любимой – это так хорошо!..

42. Умение быть любимым сводится всегда к полутора крайне простым и известным вещам:

Умей заставить другого страдать.

Умей казаться другому значительным. Этот второй пункт можно считать за пол-пункта: если любит, всегда найдет в тебе значительность, которую ты и сам не подозревал; но вначале надо же привлечь внимание и дать пищу воображению – мол, да, герой, достоин, можно открывать шлюзы чувств и обращать их на избранника.

Разумеется, есть много путей привлекать и привязывать к себе избранника позитивными ценностями: физическое наслаждение, удовлетворение тщеславия, подарки и путешествия, комплименты и внимание, «класть мир к ногам» и давать всячески почувствовать избраннице (избраннику) ее ценность и значительность – о, как человек ценит того, кто дает ему ощущение и сознание его значительности и всемогущества, как привязывается к тому, с кем делается крупной и влиятельной личностью, – поэтому женщины так сходят с ума в романах с ухарями-миллионерами, мировыми плэйбоями с их огромными материальными возможностями, – не за то их любят, что башлями осыпаны, а за то, что он делает ее царицей мира, он делает ее жизнь чудесной, и эти радостные чудеса перемешиваются с любовью, принимаются за нее, переплавляются с ней (трезветь, страдать, принимать яд и разводиться она будет уже

потом). Поэтому мужчина так любит милую и кроткую, для которой он – гений, бог и герой в одном лице.

Но все это – ничто, если при этом ты не можешь дать ей страдание – так или иначе, вольно или невольно, через потерю всего или только угрозу этого в ее мыслях, ревность или пренебрежение и т. п. Она может жить с тобой из жажды благ, из дружбы и благодарности, симпатии и сексуального наслаждения – но любить будет того, кто даст ей страдание, даже если не уйдет к нему.

Ей (или ему, без разницы) потребно страдать, ибо такова суть любви и суть человека.

43. Вот поэтому любовь так редко бывает взаимна. Для этого нужен темперамент специальный и предшествующий опыт жизни особенный. Если оба раньше уже сильно «пострадали» и очень боятся потерять друг друга (хорошо помнят «кнут»). Если характеры достаточно вялы и люди склонны удовлетворяться в жизни тем немногим, что имеют (в житейском смысле). Если по врожденности натуры дают друг другу в общем ровно столько поводов для страданий, что и температура чувств поддерживается, и перегрева нет, разбежаться нет желания.

Но, как давно вздыхали умудренные опытом знатоки, даже в счастливом браке любит только один, а другой только позволяет любить себя. Короче, из двоих всегда (почти совсем всегда) один любит больше.

Значица. Для любящего невыносимо, больно, противоестественно, нежелаемо доставлять страдание любимому. (Я употребляю оба слова в одном роде не из намека или приверженности к однополой любви, а исключительно из равноправия двух полов перед лицом страсти. Мужчины и женщины равно несчастливы насчет взаимной любви, в смысле равно редко счастливы.) Любимый дороже себя самого. Его желание, счастье, защищенность от всех опасностей мира – первейшее желание любящего.

Вот тут-то он и вдевается, как бабочка на булавку. Любимый ощущает полную власть над любящим. Может дать счастье, может дать горе, может заставить сделать что угодно. А где мое страдание? что хочешь – всегда будешь иметь... чего желать?! спокойствие, скука, уверенность в обладании и благополучии отношений... как тут любить?.. Если война, разлука, страх потери, опасная болезнь, случайная ревность – о, страдание есть, чувство раздувается.

Эгоист, эгоцентрик, самолюбивый гордец – о, это страдание даст. О расчетливом обольстителе говорить не приходится.

Но чем сильнее ты любишь, чем больше свет клином сошелся на единственном в мире человеке, тем больше ты теряешь голову, тем настойчивее вручаешь любимому поводок от твоего ошейника. А ему самому потребно зависеть от другого! А здесь вся твоя жизнь зависит от мановения его мизинца. Да ему больше нечего хотеть от тебя!!! А ему потребно такое чувство, чтоб он вечно недополучал того, чего хочет – чтоб любовь его воспринималась и ощущалась безграничной, чтоб жажда была неутолимой даже при бесконечном питье – вот что такое любовь, черт возьми!

Брак полезен для успокоения чувственности, для успокоения любви он бесполезен, сказал мудрый японец Акутагава. Ты можешь постоянно обладать любимым, но если любовь твоя в равной мере не разделена – нет тебе покоя, нет избавления от страдания, и недолгие миги блаженства обладания еще больше оттеняют страдание в остальное время.

В период сближения, в начальный период двое могут стремиться друг к другу с равной силой – но вот разделенная страсть постепенно уменьшает накал, и один ощущает (получает, берет) большую власть над другим. И – начинается процесс перетекания власти от более любящего к менее любящему, все полнее и полнее.

Ты можешь бросить, уйти, жениться на другой, убить – наплевать: любимая отлично знает, что в ее власти поманить тебя и получить в любой миг, ибо чем сильнее ты любишь – тем менее можешь противиться ее зову.

Не было в мире романа о любви лучшего, чем «Красное и черное»; тем и славен. Его можно было бы воткнуть в эту главу целиком, пересказывать бессмысленно. Безумно любя, он безумно страдает, ибо разумом давит свое чувство настолько, насколько необходимо, чтобы заставить ее страдать – иначе она не будет любить его. Но другая, любимая прежде, любила его открыто и беззаветно – почему он разлюбил, ушел?.. И эта невозможность счастья без страдания разрушает его, ведет к убийству и самоубийству. Читайте, перечитывайте Стендаля, это был великий гений любви!

А вы тысячелетиями удивляетесь, почему любовь так редко бывает взаимна. Да потому что человек, энергоизбыточное существо, переделыватель Вселенной, *никогда* не удовлетворяется тем, что уже имеет. И всегда стремится к тому, чего еще не имеет. В этом состоянии вечной неудовлетворенности – его вселенская, биологическая, физическая, психологическая, человеческая и философская суть.

Человек стремится к такому состоянию. Выше, больше, иначе, еще.

Десять мужчин складываются в штабель у ног женщины – и она выбирает одиннадцатого, который стоит и смотрит в другую сторону. Можете говорить о гордости, самолюбии, любопытстве – все это мелочи, частности, промежуточные понятия. Ей нужно не то, что есть.

«Чистый опыт»: О, как он страдает, как он любит. И вот – чудо! – она падает ему в ноги и молит в слезах: милый, я вся твоя, делай что хочешь с верной рабой, только будь счастлив. О, какое счастье. День счастье, год счастье, гарантия абсолютного счастья дана пожизненно. И этот говнюк через пять лет трахнет случайную знакомую, да еще и увлечется ею!!! Да как же, с любимой-то все в порядке, куда она денется, а жизнь всего одна, и полна разных разностей и удовольствий, и всего хочется отведать, жаль же умереть не отведав, да и вообще, не слишком ли он погорячился, женившись на ней, на него и другие красивые бабы смотрят... а хочется всего, разного, еще. Да... а когда подышал от любви – так ничего больше не хотел... животное. Чо уж так – животное; человек есмь.

Надо ли еще формулировать в заключение? Или достаточно перечитать пункты 34, 36, 37, 39.

44. И вот почему в наше время, отнюдь не дикое и не первобытное, что бы ни выплакивали пессимисты, так много долгих и даже пожизненных любовных связей в стороне от брака.

Имеются в виду не мимолетные и ни к чему не обязывающие сексуальные контакты – а отношения серьезные, длительные, глубокие, с переживаниями, с редким счастьем и постоянным некоторым страданием.

Юность тут рубанет с прямотой Ивана Грозного: «Любишь? Так женись!» Нет... – жена, муж, дети, родители, квартира, карьера, его или ее здоровье/нездоровье... вздыхают и объясняют: «Жизнь!» И друзья/подруги кивают сочувственно: «Жизнь». Обмениваются паролем, понимаешь.

Слушайте. Из любви люди жертвовали короной, честным именем, родиной, всем! Значит, у наших любовничков не любовь, а так – связишка?.. Ну, если моногамность-монотонность брака приелась и покувыркаться всласть охота – да, тогда понятно. А если трогательно заботятся друг о друге, переживают, жалуются, расцветают при встрече, плачут от тоски, что не вместе – и счастье, и страдание, и все признаки любви. Но – не очень сильной. Не насмерть. Но любви. Той, которой в собственной семье уже нет. Но – дети, работа, (см. выше).

Вот вам любовь. По классике – не шибко счастливая. Возлюбленные не вместе. Разлучены суровой судьбой и прозой жизни.

А кто им мешает развестись с прежними и жениться?! Но – дети, родственники, (см. выше).

Они имеют то, что им надо. Только и всего. В семейной жизни им не хватает соли, перчику, патоки и прочих горько-сладких приправ. Если они поженятся – будет точно то же самое, только уже с другими партнерами. Не сразу. Через время. А может быть, и не будет. Но тогда

им будет этого не хватать. И поэтому они трогательно обнимаются в гостиницах и чужих квартирах и говорят о своей любви. И жизнь их от этого полнее и счастливее – через получение своей умеренной дозы страдания они получают свою умеренную, но очень желательную дозу счастья.

Их можно было бы назвать малодушными недоделками, но... человеческое, очень человеческое... не у всех же хватает решительности на сколько-то крупные поступки.

45. А если разведутся и соединятся? Развод и брак сейчас – дело недолгое и обычное, акт гражданского состояния, только и всего. Реальных примеров – тьма, уж в мире звезд кино и эстрады – это просто норма жизни.

В реальной жизни и наблюдаем: раз брак, два брак, три брак... кой черт суетиться, если результат один. Вот уже люди делают конкретные шаги, чтоб их любовь была счастливой. А все равно... то им оказывается, что любовь не та, то – ошибочка произошла, то – «я повзрослела и переросла его», то еще что-нибудь.

46. Счастливая любовь да, бывает, но редко, зато говорят о ней много – так, в мире мало миллионеров, но много разговоров о них, и все хотели бы мультон. Да кишка тонка.

И счастливая любовь не бывает идеальной, разумеется, – идеальной ее делают молва, легенда и биографы.

Кто хочет все, тот не получает ничего, – в любви счастливы скорее люди умеренных требований, нежели максималисты-идеалисты.

Как же быть счастливым в любви?

Вот вопрос вопросов.

Это ошибочный вопрос. Это ошибочный подход к предмету.

Ты никак не можешь изменить количество и соотношение счастья и страдания в любви своей жизни – это сидит внутри тебя. (Когда годам к 12 ты сможешь сам влиять на формирование своей личности – ее формирование в основе будет уже закончено; а воспитание детей так, чтобы они были потом счастливы – это разговор отдельный.) Под этим вопросом понимают обычно: как прожить жизнь с тем, кого любишь, – или, подойдя с другого конца, как любить того, с кем проживаешь свою жизнь. А это уже вопрос характера, такта, терпимости, доброты, мудрости, силы, заботливости и т. д. Свою долю страдания и счастья ты получишь все равно, как ни исхитряйся.

Как добиться любимого человека – это вопрос тактики, техники, хитрости, ума, самообладания; вопрос отдельный. Тому посвящены массы романов, пособий и брошюр. (Я ничего не могу добавить к существу предмета, кроме того, что когда-то писал в рассказе «Разбиватель сердец» и той главе «Звягина», которая называется «Любит – не любит».)

Как быть счастливым в постели – этот вопрос сейчас в моде и фаворе, книжные полки ломятся (причем все больше от видеокассет). Техника секса – важная, но только частность.

Как находить во всем – и в человеке, и в явлении, – хорошую сторону, – этим усердно и иногда не без успеха занимаются психологи и психоаналитики (хотя всегда знали умудренные опытом мамки-сваты и батьки-ходоки).

«Ошибок» в любви не существует: она есть то, что есть, и рациональному подходу принципиально не поддается. (Хотя в какой-то мере корректируется.) Ты неизменно и неукоснительно напарываешься на то, за что боролся.

Философский подход «будь счастлив тем, что имеешь» обычным людям помогает очень мало.

Любовь – это не синоним счастья, это счастье и страдание в одном флаконе. Господь терпел, и нам велел. А что же делать, потому что надо! «Нет у меня для вас другой любви», – поморщился Всевышний.

Держись, понимаешь.

Ревность

«Жестока, как ад, ревность», – пожаловался Соломон, и через некоторое время Отелло задушил Дездемону, Хозе зарезал Кармен, а Российский уголовный кодекс признал ревность смягчающим обстоятельством при убийстве.

Мужуко уокошить бабу, конечно, легче – он здоровее и агрессивнее. Привычка к оружию, опять же. Но она берет сообразительностью: грибками с кашицей угостить, толченую лампочку в котлетку подсыпать, крысобою в вино капнуть. А также удобно у спящего отхватить тот торчащий орган, единоличное обладание которым и представляется ревнующей стороне справедливой целью.

С ревностью тоже не все ясно народу. В эпоху всеобщей социалистической ясности ее попытались просто объявить «буржуазным предрассудком» и «отрыжкой собственности». Привык буржуй к собственности, вот ему и отрыгивается. У нас свобода. Каждый свободен распоряжаться собой по собственному усмотрению. Она с другим? И ты иди к другой. Две счастливые пары лучше одной несчастной.

«Какое ж вы имели право убивать?!» – надрывается судья. «Не имел», – соглашается убивец. «Но вы понимали, что ее не будет, а вас казнят?!» – «А как же». – «Но ведь всем же хуже, и вам тоже!» – «А как же».

Из установившейся потребности неукоснительно расковыривать исследуемый предмет до конца, чтобы понять, что у этой игрушки внутри и как она действует, мы попытаемся рассортировать варианты ревности по разным полочкам. Для простоты рассмотрения возьмем в качестве ревнующей стороны мужчину – он активнее дергается.

1. Он жлоб, невнимательный эгоист, ей от этого обидно и плоховато, и она дает ему повод к ревности. Он взвизгивает, бьет головой об стенку, чашкой об пол, кочергой об жену, кочерга сгибается, жена не сгибается, прямо разъяряет ему, что он (см. выше) жлоб и невнимательный эгоист. Выпив, опохмелившись и уйдя на работу, он соображает, что можно вечером добить жену, но вообще жалко; можно достать и добить соперника, но тот сам может тебя добить, и вообще может тогда вся жизнь рухнуть; можно выгнать ее, можно уйти самому, но лучше всего – это чтоб все было хорошо. Может, он и правда (см. выше) жлоб и невнимательный эгоист? Саня, одолжи двадцатку. Муж бреется, гладит брюки, покупает жене цветы и билеты в театр, и пока она радуется улучшению своей жизни, он кается и убирает квартиру. Это самый мирный вариант ревности, плодотворный вариант, можно даже сказать. Такая ревность нам нужна. Такое чувство целесообразно.

2. Соперника надо отвадить. Встретить, пугнуть, набить морду, пусть держится от нее подальше, понял?! Он здоровый, сам тебе ноги переломает. Гм... Найти ребят, можно им и заплатить, пусть ему сделают козью морду на пару месяцев больницы. В идеале надо соперника убить, это самое лучшее и верное – и так, чтоб никто тебя и не заподозрил. Это, может, против закона и даже против морали, зато очень хорошо.

Если этот вариант проходит – такая ревность тоже целесообразна. Ты устранил препятствие к постоянному единению с партнером. Молодец, возьми себе с полки пирожок.

Номер первый и номер второй – это, так сказать, позитивные случаи. Ревность побуждает изменить жизнь так, чтоб быть вместе с любимой.

3. Он вообще очень ревнив, а она вообще очень кокетлива, хотя без ничего такого. Жить невозможно. Скандалы, упрёки, подозрения, дерганья, сил нет. А вдруг там чего у нее и есть? Нет, пока дров не наломали – надо разбежаться. Ну, не сошлись характерами. А если б она вправду изменила, а он ее убил? черт их знает... Тут ревность – это частный случай неподходящего людям друг другу. Тут все к лучшему, быть может...

4. Любит, ревнует, убил соперника в открытую. Она его проклинает, суд его приговаривает, всем хуже. Где логика?! Хорошо, тут можно списать на атавизм, схватка самцов за самку, здоровое соперничество на уровне инстинктов. Не смог владеть собой, слишком сильное чувство. Целесообразность проглядывается, в условно-первобытном обществе он был бы в выигрыше.

5. Любит, ревнует, хочет убить соперника в открытую, ну вроде вызывает на поединок, хотя понимает, что тот здоровее. И погибает сам. А здесь где логика?.. Ладно, это тоже можно списать на атавизм и первобытный инстинкт – сильное чувство, уже не до рассуждений, конкурентов не потерплю, с таким страданием жить не в силах, или сам сдохну, или его боги помогут уничтожить... ну, не помогли.

6. Любит, ревнует, мучится, сил нет, убивает ее. Вопрос решается по методу товарища Сталина: «Нет человека – нет проблемы». Тут где изволите найти логику и целесообразность? Тут человек, решаясь на поступок, отлично понимает, что никакого счастья больше быть не может.

(Честь, требования общества и морали, насмешки окружающих – это мы все оставляем в стороне, за скобками, не привносим и не рассматриваем, учитываем и берем только ревность в «чистом» виде.)

6-а). Убил, скрыл, отдохнул от страданий, живет спокойно без раскаяния. Убрал источник сильных отрицательных, нежелательных ощущений. По крайней мере, понятно. А разве не лучше было выгнать ее в чем есть вон подальше, с гарантией, что на глаза больше не покажется? Она ведь все-таки никого не убивала, ему смерти не желала, она ж не для того гуляла, чтоб его мучить, а чтоб себе удовольствие доставить, – не по вине кара получается.

Нет, когда он ее убивает, он на такой вариант не согласен, ему этого мало. Если он будет знать, что она жива, – ему покоя не будет, а если она еще и счастлива будет – он просто зачохнет от разлития желчи: не смеет она жить хорошо, если заставила его так страдать.

Более всего слабодушный ревнивец мечтает, чтобы изменница попала под трамвай. Тогда все решится само собой, и ему сразу наступит облегчение. Вспомните бедолагу Каренина.

Ее судьба, черт возьми, ему отнюдь не безразлична! Он к ней не равнодушен! Ему необходимо, чтоб ей было плохо, лучше – очень плохо, еще лучше – чтоб она умерла. Он уже думает не столько о своем счастье, сколько мечтает о ее несчастье. Он ее ненавидит. Даже если знает, что никогда ее не убьет, воображает тяпнуть ее палкой по башке или сунуть в петлю гадину.

С точки зрения первобытного атавизма можно рассуждать так: а чтоб все бабы знали, что мужик – хозяин, и если что – убьет, и вели себя соответствующе. Так... а если это баба замочила муженька? Гм, по-первобытному – чтоб все мужики знали, что он со всеми потрохами принадлежит семье и подруге, а на сторону косить не смей.

А анализируя на уровне чувств – мы имеем ненависть. Любовь как половое чувство достигает такой силы, что переходит в свою противоположность. Почему? Потому что в сфере положительных ощущений реализовать ее невозможно. Сильнейшее возбуждение центральной нервной системы не снимается ничем (можно, конечно, в дурдоме аминазином глушить до животной тупости и флегмы, но как рецепт против ревности это малореально по жизни). Это перевозбуждение вызывает к действию, требует его! Да убедись он, что она его любит и верна, – он ей в ноги упадет и сам не свой от счастья будет.

6-б). Убил, скрыл, а потом сам всю жизнь мучится и страдает. Но живет. Так зачем убивал, дурак? Сил не было терпеть. Она была падла, но без нее все равно не жизнь. Хотя со временем, конечно, чувства несколько успокаиваются, и жизнь нормальнее.

Э-э-э... Тут получается, что даже убийство ее не избавляет тебя от страданий. А все равно она любила не тебя! А все равно в ее глазах ты не был достоин! А все равно ты не победил ее – убил, но не добился того, чего хотел: любви, обладания, верности. Каешься (но понимаешь,

что иначе в тот миг поступить не мог, и более того – и не хочешь иначе!) – и одновременно полагаешь себя правым. А больше не полюбишь, нет в жизни счастья.

И так – нет его, и сак – нет его, но есть покой и воля, в мечтах ты счастлив, в воспоминаниях счастлив... короче – тогда ситуация требовала разрешения: или свалить, или убить, и из двух зол ты предпочел убийство. Ну... значит, теперь тебе все-таки жить легче, сообразно логике своих чувств ты поступил целесообразно.

6-в). Убил и явился с повинной: судите, сажайте. А-а, грех на душе, знает, что поступил нехорошо. Но сам жить хочет, стервец-страдалец. Тоже, значит, ненавидел, но не так сильно, как тот, что скрыл и вздохнул с облегчением. Хочет принять теперь страдание, замолить грех. Это вариант, сходный с предыдущим: перенести страдание ревности не мог, а убить и понести наказание мог. Все равно была ненависть, которая требовала выхода и разрешения.

6-г). Убил ее и убил себя. Или сразу застрелился, или набежавшим закричал, чтоб закололи, или полиции сдался на верную смерть.

Слушай, а почему ты сразу тогда не покончил с собой? И не было бы тебя, и не знал бы ничего, какая тебе разница?... Значит, есть разница, чего уж там, и большая, принципиальная, можно сказать. Жить без нее не могу и не буду, но и ей не спущу. Убью гадину любимую, и сам своею рукой себя накажу и избавлю от всего.

Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал, тот, кто смел – кинжалом наповал; классики много писали о ревности.

Нет, мы понимаем, что так оно часто бывает, что вот так оно природа создала, что ревность мучительна, но почему, почему, для чего, зачем?

6-д). Убил себя. Хлоп – и нет больше мучений ревности.

Часто в этом есть элемент мести: «А, теперь она поймет, как я любил ее, оценит, заплачет, но поздно будет, вот». Какой-то частью сознания человек жаждет любви ценой собственной жизни: я умру, я не узнаю, но хоть сколько-то ты будешь меня любить. Со вздохом надо сказать, что нелюбимый самоубийца получает по смерти очень мало признания, обычно следует лишь чувство досады и раздражения, что этот проклятый идиотик доставил своим поступком еще одно неудовольствие, заставил ощутить некоторый душевный дискомфорт, что вот привязался со своим высоким чувством, а теперь я виновата в его смерти, хотя на самом деле я ни в чем не виновата, и знакомые что скажут... вот дурак, лучше б я его вообще никогда не знала.

Если любящий не мог соединиться с любимой – это самоубийство из-за несчастной любви, это на самом деле вариант другой, здесь срабатывает логика природы «1 = 0». Но мы сейчас говорим именно о ревности, что не есть вовсе одно и то же.

Здесь у нас тоже выглядит просто: сильное страдание, невозможно перенести, на любимую руку поднимать не хочет, не может, не смеет и не мыслит, лишь бы она, дорогая, была счастлива, о, как я страдаю, как мне больно, где мой револьвер, я прекращаю эти непереносимые муки, в моей смерти прошу никого не винить. Как вариант: в моей смерти прошу винить только ее; пусть хоть теперь поймет, помучится, оценит. Убрать источник непереносимого страдания, каким стала жизнь. Но – но:

7. Вот в семье все хорошо. И в постели отлично, и мир, лад и взаимопонимание. И он узнает, что она ему изменяет. Боже, как мешают ему жить эти невидимые рога, сколько мук и терзаний. Почему? Ничего не изменилось. Он имеет ее сколько хочет. И даже – ему может быть гарантировано, что она никогда его не оставит. И он – даже! – не сомневается в своих материальных, физических и моральных достоинствах. И она – даже – дает ему на словах и на деле все мыслимые доказательства того, что любит его. Так чего ему еще надо, несчастному кавалеру де Грие, возлюбленному прекрасной и неверной Манон?! И, предположим, никто об ее связи не знает, так что его честь и пр. (еще раз повторяем) никак не страдает.

Так чего ж он так отчаянно дергается? От него же ничего не ubyло, он ничего не потерял. Ну, мало ли почему она развела там с кем-то шуры-муры; от любопытства, от не фиг делать, или лестно ей, или скучно было, да подумаешь.

Нам говорят: он собственник, он хочет владеть ею безраздельно, он не современный человек, не признает ее права на свободу. Он вопит: я не собственник, я признаю свободу, я современный человек, но мне больно, я не хочу, переживаю, нервничаю.

Нам говорят: он боится, что другой чем-то лучше его – как мужчина или еще чего. Он отвечает: ничего не боюсь, я знаю, что я самый лучший... как она может с какой-то дрянью путаться!

Энгельс вступает: он, говорит, не хочет воспитывать чужих детей и отделять им наследство. Наш мужик в сторону Энгельса плюет: у меня, говорит, двое усыновленных негрят из детдома, а жена пользуется надежным противозачаточным.

И он начинает иногда хамить жене, он хуже спит и меньше ест, он роняет вещи, и вообще по вине его ревности хорошая жизнь кончается.

А Энгельс втыкает в бородищу сигару и говорит: это у него атавизм, рудименты первобытного инстинкта, когда мужчина никого не подпускал к своей самке. А с инстинктом ничего не поделывать, понимаешь, – мы-то культурные, а он вылезает, это надолго.

8. Так вот же вам крайний вариант.

У них был роман. Она ему надоела. Он дал ей отставку. Он живет с другой и увлечен ею. Прежнюю он не видит и она его не колышет.

И вот они неожиданно встречаются. Она живет плохо без него, одна. Ему немного тяжело, маленькое чувство вины есть, что он ее оставил, теперь ей плохо. И хочется скорей расстаться.

Или: она живет неважно. Есть у нее один, так, от безмужичья, не фонтан, наш-то был, конечно, лучше, с ним хорошо было, чего там. И нашему приятно, что он такой хороший, и она хорошая, ценила, но немного неловко, что он ее бросил, и т. д.

Или, наконец: она живет отлично! У нее теперь мужик – хана всему, орел! Хорошо, что она с ним рассталась, а то бы так и сгнила по мелочи. О-о! Вот тут наш уеден... Как же так. Почему ей так хорошо без него, и более того – так хорошо не с ним, а с другим? И в нем вспыхивает ревность. Ему неприятно, ему больно, что она живет с другим и ей так хорошо.

Это что? Нам ответят – это мужское самолюбие. А что такое самолюбие? Это утверждение чувства своей значительности. А что такое значительность? «Я все могу, я самый». Ну, все не все, но изрядно, достаточно весьма. А тут вдруг оказывается, что ты не самый и можешь не все. С другим лучше. Тебя не хотят. А!

...Да, ревность – это и боязнь потерять, и уеденное самолюбие, и опасение, что другой лучше, и ущемление твоего внутреннего сознания и ощущения своей значительности. Но еще, еще:

9. Она стала всячески его не устраивать, или не всячески, но все равно – просто не устраивать, и он решил твердо ее оставить. Завтра днем он ей это скажет – и расстанется. Вот.

И вдруг завтра, не днем, а утром, он узнает, что она его только что оставила и предпочла другого. Он ревнует, он жаждет объяснений и изменений! Он хочет оставить ее – но сам, когда он решит и как сам захочет! А теперь он хочет, чтоб сначала она рассталась с этим идиотским новым хахалем и приползла к нему на брюхе, виляя хвостом, и вот тогда он с ней расстанется! и уйдет гордо и не оглянувшись.

...Это приводит к странному на первый взгляд выводу: может любви не быть, а ревность вдруг может быть. Э? А возникает ревность – возникает и желание ее объекта, и вдруг этот «объект» обретает в твоих глазах ценность, которой не было миг назад.

Предмет тот же самый. И отношение к нему то же самое.

Бросил сам – и хрен с ней.

Бросила она – не хрен с ней.

Что изменилось?

Твоя собственная ценность в твоих собственных глазах.

Ты мог все – а теперь ты можешь не все.

Ты был свободен, мог делать что хотел – а теперь ты не свободен и не можешь делать что хочешь, ты ограничен, вариант тебе навязан, ты менее значителен, ты не можешь реализовать свои желания.

(Собственно говоря, любой аффект можно рассматривать как «первобытно» целесообразный, – но вряд ли это само по себе исчерпывающее или даже удовлетворительное рациональное объяснение. Фокус состоит в том, что в наше цивилизованное время человек, отнюдь не стремясь к результатам первобытного разрешения аффекта, сам вводит себя в состояние аффекта и поддерживает в нем. То есть человеку как таковому потребен не результат разрешения аффекта, а сам аффект.)

10. Подводим итоги и делаем выводы.

Ревность как состояние аффекта позитивно в том смысле, что ревнивец способен развить отчаянные усилия по сохранению для себя ревнуемой.

Ревность как состояние аффекта всегда негативно в том смысле, что ревнивец не способен адекватно оценивать ситуацию и совершает неправильные, ненужные, порой трагические и непоправимые действия. С точки зрения прагматической целесообразности лучше бы он был хладнокровен и рассудителен – чем крепче нервы, тем ближе цель, вернее и легче добьешься своего.

Но фокус в том, что ревнивец подчас не стремится ни к каким прагматическим целям (вар. 7), или даже вообще ни к каким целям (вар. 8 и 9). Ситуация, объективно глядя, его может никак не волновать. Его волнует только самоощущение в этой ситуации.

Недаром моряки и представители прочих профессий, связанных с долгими и постоянными отлучками из дома, нередко ставят женам такое компромиссное условие: «Делай что хочешь, только чтобы я ничего не знал». Он все понимает, он допускает возможность чего угодно, но не хочет скандалов, ухудшения отношений и т. д. В семье все хорошо? – и слава Богу. Никаких конкретных оснований для подозрений и ревности нет, ситуация его устраивает, а своим самоощущением и отношением к этой ситуации он справедливо дорожит. Все, чего он хочет, он имеет. Рассудочный вариант. Для буйного темперамента он не подходит.

Что же отнято у ревнивца, у которого на самом деле ничего не отнято? Свобода. Свобода как состояние возможности любого варианта, свобода как состояние максимальной энергетической значимости человека, свобода как потенциальное состояние максимальной самореализации всех своих сил и возможностей. Любое физическое тело стремится к свободе – как к состоянию, где оно может выделить максимум обладаемой им энергии. Это один из аспектов великого Второго закона термодинамики, и человек ему подчиняется безусловно, поскольку он тоже часть Вселенной, тоже физическое тело, а если это тело обладает чувствами и разумом – то только для того, чтобы выделять больше энергии. Ага.

А отвлекаясь от языка физики, это можно выразить словами менее точными и исчерпывающими, но более привычными в быту: невозможность полностью контролировать ситуацию, умаление своей значительности, ущемление своего самоутверждения. И этого достаточно! Это – основа! Плевать мне на эту бабу или ее нежный взгляд в сторону идиота – я не могу стерпеть своего унижения, умаления, ущемления.

Повод к ревности означает: я менее хозяин жизни, чем полагал, чем могу или мог бы, я менее всемогущ, чем хочу и полагаю возможным. Вот чего человек перенести не может!!!

11. Кто не ревнив (или ревнует предельно мало, скажем так)? Тот, кто предельно уверен в себе, и эту уверенность невозможно поколебать ничем. Она гуляет с другим? Вот уж презренная дура. А уж он просто даун. Она смотрит на кого-то? Ерунда, пусть смотрит, куда она

от меня, такого крутого, денется. Предельно уверенный в себе человек взревнует только тогда, когда явно и однозначно от него собрались уходить – и то может плюнуть вслед высокомерно и брезгливо: на кого меня променяла, шлюшка.

Почему говорят, что муж замечает свои рога последним? Потому что мужская самооценка вообще завышена.

12. Кто ревнует больше? У кого больше комплексов. Если бы Отелло был белым, молодым, красивым и куртуазно образованным, он бы высморкался в этот проклятый дареный платок и лег к Дездемоне в койку заниматься любовью, всех и делов.

13. А поскольку всегда сколько-то примешивается честь, мораль, мнение окружающих, весь комплекс «сверх-Я», то ощущение своего умаления от повода к ревности усиливается. Нонконформист, плюющий на мнение общества и традиции, менее ревнив.

В эпоху дивного распутства Луи XV связи супругов на стороне были делом обычным и нормальным, «так было принято», и ревность была связана или уж действительно с любовью страстной, или с довольно простым самолюбием в свете. А кавказец может и не любить, но любой намек на урон его мужской чести легко приводит его в состояние той ревности, которая есть самозабвенная ярость.

14. И разумеется, никакие проповеди «личной свободы» и «современных отношений» тут ничего в корне не изменят, поскольку устройства центральной нервной системы человека они затрагивать не могут.

А поскольку человеку всегда мало, он всегда неудовлетворен, ему всегда надо что-то изменять – эту нехитрую, но вечно забываемую истину я долблю с наивностью дятла и последовательностью молотка, – он всегда сумеет устроить себе переживания, и ревность в том числе.

Всегда найдется кто-то получше тебя. Всегда накопятся отрицательные эмоции, которые требуют какого-то выхода, привязки к какому-то внешнему объекту, повода, персонификации. Всегда захочется, чтоб любимая была тебе «еще больше что-то», ибо нет в мире совершенства и нет совершенству предела. Всегда найдется платочек, чтоб накинуть его на шейку – хотя бы в мыслях, хотя бы на миг.

А вы что решили – что можно прожить нормальную жизнь, никогда не ревнуя? Успокойтесь, покой нам только снится, как заметил на заре веселого XX века поэт.

Заметки на полях:

Ревность – это реакция на угрозу для твоей биологической энергии, реакция на ограничение воспроизводства себя в потомстве. В идеале и мужчина, и женщина стремятся к такому положению, чтобы *свободно*, т. е. в любой момент и по собственному желанию, иметь возможность зачать потомство с любым партнером по своему выбору, без всяких ограничений. Если на данный момент, на «сейчас» выбор уже сделан и прочие особи как кандидаты не рассматриваются, то на них плевать, ревности быть не может. Но любой, с кем ощущаешь и в принципе допускаешь возможность сексуальных отношений, может вызвать ревность той или иной силы, если возникает хоть видимость возможности того, что сейчас тебе предпочтут другого, хоть ненадолго, на раз, хоть без особого желания.

Того, кто недоступен – кинозвезда, кумир, – можно любить заведомо безнадежно и без ревности: ревности нет там, где нет абсолютно никакой надежды. Но на концерте ты прорвалась к кумиру, удостоилась взгляда и слова, возникла реальная возможность познакомиться и провести вместе – о, не жизнь (хотя кто знает!..), даже не месяц – но хоть ночь, час, полчаса – призрак возможности, один шанс из тысячи, ты старательно вычитала это из его взгляда – и вот тут ты бешено, яростно ревнуешь его к любой из толпы поклонниц, друзьям, менеджеру и всему миру.

Ревность предполагает ту или иную вероятность доступности.

Страдание

Как-то на пресс-конференции в Японии Фолкнера спросили, считает ли он, что жизнь в основе своей трагична. «Безусловно», – без колебаний ответил Фолкнер.

Жизнь наша земная – юдоль страданий и скорби, учат практически все религии.

В жизни вечно нам чего-то хочется, и мы страдаем от неудовлетворенности своего желания, а как чего добьемся и получим – на минуточку счастливы, а потом снова страдаем из-за чего-то другого, так что жизнь – это сплошные страдания, а счастье – просто временное избавление от страданий, и лучше всего, чтобы не страдать, вовсе не жить, – заключил изобретатель философского пессимизма Шопенгауэр.

Однако человек устроен так, что у него есть потребность страдать, а поводы к страданию он найдет всегда (см. Часть I, гл. 2, раздел 5). Даже если у него все-все хорошо-хорошо, он то найдет какую-то обиду в прошлом, то захочет быть не таким, как он есть, и уж в любом положении может начать страдать от невозможности отыскать смысл жизни.

Что такое страдание? Это более или менее сильная отрицательная эмоция. Ногу сломал, любимая бросила, сладким куском обошли и тем перед всеми унизили, голод замучил до полусмерти.

Что лежит в основе страдания? Некомфортное для нас положение вещей. Что-то имеющееся здорово не нравится, и хочется, чтоб было иначе. Упрощенно говоря – неудовлетворенное желание (достаточно сильное, конечно, – неудовлетворенное желание съесть пирожное обычно мы страданием не называем).

Люди вечно задавались вопросом: на кой черт нужно страдание? и как устроиться так, чтобы не страдать?

Во-первых, отделим причину от повода. Для этого сначала различим виды страданий.

Страдания бывают физические, нравственные и физические как следствие и продолжение нравственных (болезнь от горя).

При страдании физическом (боль, голод-холод) повод одновременно является и причиной: ногу сломал, жратвы нет. Таких страданий избежать нетрудно, что от древности даже мудрецы и советовали: удовлетвори желания необходимые, физиологические, без этого никак.

При страданиях же нравственных, душевных, поводом может выступать что угодно: одет хуже других, награду не дали, предприятие лопнуло, – здесь уже не удовлетворено желание физиологически не обязательное. Теоретически рассуждая, от всех этих необязательных желаний можно отказаться – и не будет тебе никаких страданий. А не хоти. Зелен виноград. Врачи, кардиологи и психологи, инфарктникам и советуют: плюйте на все свои хлопоты, ерунда все это необязательная, и берегите здоровье.

Повод для душевного страдания всегда может меняться – от супа жидкого до жемчуга мелкого. Относителен повод. Причина же всегда одна, и сугубо внутренняя: энергоизбыточный человек всегда чего-то хочет и всегда ему что-то не так.

Чтобы не страдать, человек должен не хотеть ничего, кроме необходимого удовлетворения чисто физиологических потребностей: воздух-вода-пища, защита от непогоды, секс. Все. Но это получается не человек, это получается вполне животное. Но можно же еще наслаждаться мыслью, воскликнут мудрецы-аскеты! Увы, тоже нельзя. Неправы мудрецы-аскеты. Во-первых, мыслитель начнет мучаться несовершенством мира и неотвратимостью беспощадной смерти. – А я избавлюсь от всех чувств и привязанностей, отвечает Будда, и даже от мыслей избавлюсь и погружусь в нирвану: сливаюсь я с миром на чувственном уровне, ничего не желаю и полностью счастлив. Дай тебе Бог, ответим мы, но для большинства нормальных людей этот номер пройти не может, пахать надо и плодиться-размножаться, так уж устроено; факир может спать на гвоздях, но это не повод менять кроватные заводы на гвоздильные; исключения, в

том числе людские, лишь подтверждают общее правило. Во-вторых же, о наслаждении нестрадающего аскета мыслью, сама мыслительная способность есть аспект избыточной энергетики нервной системы, в основе этой способности – то же самое избыточное желание: мыслить ведь для выживания не обязательно. И начнет страдать мудрец от того, что понять чего-то не может, или от того, что другой мудрец с ним не согласен. Возраст утишает страсти и мудрец успокаивается – но откуда страсти есть, они себе выход найдут, и что подходит старику – не может подойти юноше.

Короче, ты не избавишься от страданий, потому что они тебе свойственны и потребны. Почему потребны?

Первое. Страдание как сигнал. Боль, голод, похоть. Это означает: лечись, питайся, размножайся, а то вымрешь. Страдание как стимул заботиться о своем и рода выживании. Страдание как проявление инстинкта жизни.

Второе. Страдание как стимул к размышлению. Пока все хорошо, можно ни о чем особо не задумываться – и так жить можно, нет проблем. А как тебя прищучило – начинаешь думать, как зацикленный: как же так мир-то устроен, что плохо тебе, больно и несправедливо? что в нем к чему? где причины, каковы закономерности?

Страдание – это ведь возбуждение центральной нервной системы. Вот она и начинает усиленно думать о чем ни попадя: очаг возбуждения, откуда не снят повод, плавает по коре и подкорке, возбуждение передается на соседние участки.

Третье. Страдание как стимул к действию. Избавиться от него, от заразы! Можно, конечно, избрать способ «интенсивный»: убедить себя, что виноград зелен, и подавить желание разумом и волей: да не хочу я вовсе вашего поганого винограда. Именно это рекомендовали мудрецы. На что уже в новые времена психиатры ответили: ничего хорошего от подавления желаний не будет, а будет невроз, болезни и преждевременная смерть в конце концов. Но человек, тварь самолюбивая, стремясь реализовать в жизни все свои возможности, избирает как правило способ «экстенсивный»: добиться желаемого, хоть тресни, тогда, мол, и страдания не будет, а будет, наоборот, счастье.

И вот страдающий человек усиленно думает и усиленно действует, стремясь изменить положение вещей таким образом, чтоб было не так, как сейчас, а так, как он хочет. И тогда он сможет счастливо перевести дух. Дух он, бедолага, переведет ненадолго, но что-то в жизни сделает.

Страдание, таким образом, – это кнут, которым избыточная энергетика человека подстегивает его: давай-давай! чувствуй! думай, действуй! тянись выше, делай больше!

Можно ничего не делать, и все равно страдать (от безнадежной любви или неизбежной смерти). Бессмысленно? Нет! Ибо ощущения могут не выливаться в действия – но действия невозможны без начального импульса на уровне ощущений. Часть страданий ведет к действиям, часть не ведет, но заранее знать всего невозможно, и невозможно всегда определить границу своих сил и достижений. Здесь свой КПД, так сказать. Сначала начнем хотеть и страдать, а там посмотрим, что из этого выйдет. А кроме того, страдающий человек, как уже сказано, острее чувствует и больше начинает понимать – а это, по общему счету, в масштабах человечества, уже движение к действиям в их первом приближении.

Несчастливые люди делали открытия и изобретения, писали книги и осваивали земли: сублимация своего рода: потребность избыть свое страдание выливалась в то, что повышенная энергетика эмоций перекидывалась в другую сферу действий. Страдаю, не могу добиться желаемого, хочу отвлечься и забыться – ищу смерти в борьбе и путешествиях, не жалею себя в работе, совершаю подвиги и т. п.

А если сломался и зачах от страдания, или вообще повесился? Плохо. Но это крайности, без которых невозможно, это крошатся и осыпаются края пряника, а общее генераль-

ное направление – строить свою жизнь сверх физиологически необходимого и двигать вперед цивилизацию.

Почему много сказано в истории о благотворности страдания (и христианской религией едва ли не в первую очередь)? Потому что счастливый и не познавший страданий человек весьма глух к нуждам окружающих: он упоен своим счастьем, да и трудно представить себе то, что сам не испытал. В страдании он познает, почем фунт лиха, ощутит и увидит свое сродство со всеми несчастными – и будет добрее и поумнее, душевно чутче будет. И о жизни задумается, и в отношениях людских больше поймет.

Заметьте: вся человеческая культура по большей части замешана на страдании. Трагические мотивы преобладают над комическими. Среди художников редко-редко встретишь счастливого человека. Страдание будит душу, выражаясь метафорическим языком литературы.

Что влечет зрителей в трагедии, что тут возвышающего и очищающего? Первое – сила ощущений: в страдании больше мощи, чем в счастье, оно в своем роде острее, богаче, сильнее счастья, оно в трагедии стремится к самому пределу человеческих возможностей; счастье переносимо почти всегда – жестокая пытка непереносима почти никогда. Второе: в страдании и борьбе с ним проявляется вся сила человека и величие его духа – и принадлежность к роду человеческому наполняет зрителя гордостью, он всегда частично отождествляет себя с героем действия – и, ощутив величие своих возможностей в принципе, делается крупнее и значительнее в собственных глазах: вот что люди могут, я тоже так могу, а если и не могу – то хотел бы быть таким же сильным, а все мои реальные трудности – пустяки по сравнению с тем, что бывает, их перенести нетрудно, легче, чем я думал раньше. Пример для подражания и сравнения. Третье: почему он плачет? Ему жалко хороших людей, он добр, благороден и справедлив – в театре за цену билета каждый может позволить себе быть добрым, благородным и справедливым, и ему это нравится. Четвертое: а почему же слезы его сладки, черт побери? А потому что он хочет страдать! ему нравится страдать! Это подсознательное желание – а сознательно-то он хочет, чтоб у него все было хорошо, – вот театр и удовлетворяет его подсознательной и сознательной потребности одновременно.

В реальном сильном страдании человек уже не плачет – не может: впадает во внутреннее оцепенение от неизбывной боли. «Поплачь – легче будет»; со слезами сбрасывается часть напряжения, кто ж этого не знает. При этом – воображаемыми картинами горя нередко расправлял себя каждый, и слезы были близки. В театре (кино, книга) человек реализует свою способность и потребность страдать, при этом безо всякого ущерба для себя, – и одновременно сбрасывает опосредованно через свое переживание часть реального страдания, которое у каждого в чем-то имеется. И жить после этого становится – хоть на самое первое время – легче и лучше. Собственная несчастная любовь, собственные потери и обломы увеличивают чувствительность от театральной картины; потому и рыдают сибирские доярки над страданиями красиво одетых мексиканских рабынь: чувства-то прямо как свои, а антураж-то отвлеченный, ничего общего не имеющий с прозаической действительностью, где все погрязло в удушающем вонючем быте, и душу-то расслабить в свободном страдании нет возможности – и не поймут, и не принято, и дел много, и крепиться перед людьми и собой надо, а уж перед телевизором с не нашей жизнью можно не крепиться.

В театре на трагедии не надо бороться, ничего делать, тебя это все не касается по жизни – сиди себе и страдай, затем и пришел. Своего рода наркотик, суррогат, заменитель. А хороший актер, хороший писатель – работает так, что чувства его передаются зрителю (читателю), проникают, заражают его – и он начинает чувствовать то, что автор и хотел в него вложить. То самое частичное отождествление, воздействие искусства. А хотели в него вложить, через картины страданий, благородство, доброту и величие духа – вот ими он и возвышается.

А когда некрофил-режиссер наворачивает на экране два часа кровавой мясорубки с массой страданий своих героев – никакого возвышения и очищения зрителя не происходит, а

только тошнит. Нервы щекочет, а слез нет. У психики свои законы. Можно плакать над собачкой, потерявшей хозяина, – а на мясокомбинате уже не страдаешь, только жутковато и противно с непривычки. Но здесь уже надо говорить о законах искусства и его восприятия: прямое изображение страданий еще не обязательность со-страдания зрителя. Заставить его страдать тоже уметь надо.

Итожа вышесказанное.

1. Потребность в страдании коренится в психике человека. Человек хочет страдать.
2. Страдание есть возбуждение «сверх среднего» центральной нервной системы человека в области отрицательных ощущений.
3. Повод к страданию условен и относителен, и определяется выбором поставленной себе цели, цель же как правило для жизни не обязательна и поставлена посредством разума.
4. Причина страдания – в избыточной энергетике человека, которому необходимо всегда стремиться сделать не так, как уже есть.
5. Благотворность страдания и даже его человеческая необходимость – в том, что оно есть внутренний стимул к многочувствованию, размышлению и свершениям действий, что и есть суть человека.

Секс

§ 1. *Сексуальная энергия.* Водоросль растет и размножается, при благоприятных условиях может заполнить собой весь водоем – на эту работу идет вся ее энергия, получаемая из воды, содержащихся в ней (и в грунте дна) веществ, и солнечного света. Больше водоросли делать ничего не приходится.

Чем сложнее организм, тем большую часть энергии он расходует на собственное индивидуальное выживание и на все действия по изменению окружающей среды в процессе своей индивидуальной жизни.

Уже моллюск открывает-закрывает створки раковины. Олень – поедает траву, взрывает копытами грунт, удобряет почву пометом, переносит себя в пространстве с большой скоростью и на большие расстояния. Здесь только «пассивным» ростом и размножением не отделаешься. А сытый и благополучный волк на отдыхе любит бегать и играть «для удовольствия». Не говоря уже об обезьянах, которые в благополучном состоянии любопытны, предприимчивы и совершают множество «излишних» действий, никак не необходимых для простого выживания и размножения.

Если предположить, что водоросль или волк существуют только «сами для себя», и «цель» каждого вида – максимальное утверждение себя, тогда главное – размножение: стремиться к тому, чтобы заполнить своим потомством весь мир.

Если рассматривать Вселенную в ее эволюции и, в этой связи, жизнь на Земле от одноклеточной водоросли до человека, то «цель» природы крупней и выше «цели» любого отдельного биологического вида: все более активный процесс энергопреобразования вещества Земли. Размножение вида здесь не самоцель, но лишь средство.

Сексуальная энергия животного – лишь один из аспектов его общей энергии, которая идет не только на действия по размножению, не только на действия, необходимые для индивидуального выживания, но и на действия сверх необходимых: взрослые волки играют друг с другом просто от избытка энергии, когда все их потребности удовлетворены.

Если обезьяна в благополучных условиях имеет возможность совокупляться чуть не целыми днями, она этого однако не делает: она играет, ковыряет что-то и т. д. – ее сексуальные потребности ограничены.

Животного с безграничными сексуальными потребностями не существует.

В условиях «чистого опыта» высокопотентный мужчина в роскошном гареме не сможет, да и не захочет проводить в занятиях сексом все время, свободное от сна и еды. Он будет, допустим, совокупляться (особенно юный) до грани полового истощения, станет вял и расслаблен, но, во-первых, это дело ему несколько поднадоест, во-вторых, ему будет хотеться хоть в нарды сыграть, хоть кино посмотреть.

Создай человеку идеальные условия для безграничных занятий сексом – все равно он будет хотеть делать хоть что-то еще.

Это к тому, что рассматривать любую деятельность человека, кроме необходимых для личного выживания действий, как сублимацию сексуальной энергии – при добросовестном рассмотрении невозможно.

Фрейдовская теория либидо и сублимации условна и формальна – в том смысле, что психика и физиология человека рассматриваются изолированно вне взаимосвязей с окружающей средой, вне роли человека на Земле и во Вселенной. Своего рода антропоцентризм. Только, мол, природе и дела, чтоб человек – пуп мироздания – размножал свой вид.

Человек в мире все более активно переделывает мир. Энергия размножения играет здесь все более служебную, подчиненную, обеспечивающую роль.

Сексуальная энергия – это самый простой и «прямой» канал направленности общей энергии, общей «витальной силы» организма – прямо биологический (самый «прямой» после обеспечения жизни особи).

Но энергия человека превышает необходимую для выживания и размножения. Что и делает его человеком. Что и есть основание всех его свершений.

§ 2. **Сублимация.** Это значит перегнать часть сексуальной энергии в «культурно-рабоче-человеческую» энергию. Воздерживается человек от секса – и лучше думает, активнее работает, показывает более высокие результаты в спорте. Сил больше. Это рекомендовали, хоть на время серьезных дел, и древние иудеи, и древние греки, и многие современные «физиологические учения».

Действительно, если в мозгу есть активный очаг возбуждения, то если перекрыть ему возможность «прямого разрешения желания» и одновременно возбудить другой очаг, то «пятно» сильного возбуждения частично «переползет» на него. Это с точки зрения физиологии.

С точки зрения упрощенной энергетики – энергия человека, вся, имеет общий, универсальный характер – и ищет выхода, где может. Как бы – запруживаем реку плотиной и с высоты накопившегося водохранилища отводим воду каналами для орошения полей. И вместо того чтобы «бесполезно» течь прямо вниз-дальше, вода «совершает полезную работу».

Следует ли из этого, что энергия любой «культурной» деятельности человека – это сублимированная сексуальная энергия?

Вот тренеры и массажисты вечером накануне ответственного матча поголовно удовлетворяют женскую баскетбольную команду – такие вещи не рекламируются. Оттраханная команда играет лучше! Нет, не все и не всегда, это достаточно индивидуально – но вполне часто. Потому что слишком сильный очаг возбуждения может «не хотеть» переползть с сексуального центра в «игральный», а наоборот – тянет на себя часть возбуждения с «игрального». Ослабить его надобно.

А вот менеджер накануне матча боксеров провожает своего питомца в бордель и следит в щель, поганец, чтоб – кончил он только один раз! Точно тот же случай – ослабить сексуальное возбуждение, снять излишек сексуальной энергии. Иначе фиг тебе пройдет «сублимация».

Кому не знакомо чувство огромного *подъема* сил после хорошего акта с подходящим партнером. Усталости – на четверть часа, а подъема – на целый день. Индивидуально? Отчасти. Но – сублимация не получается...

Двадцатилетнего солдата можно уматывать так, что у него неделями не будет эрекций даже по утрам. Откуда и идут вечные солдатские слухи о «нестойне», который подсыпают в компот, и т. п. Сублимация? Эдак можно и импотенцию узников Бухенвальда объявить сублимацией, знаете. Здесь вечный дефицит общей энергии от недосыпа, недокорма (несбалансированное питание, «пустые» калории) и физических перегрузок. Вся энергия с трудом покрывает потребности по жизнеобеспечению индивида. В условиях дефицита энергии вся она идет в первую очередь на простое выживание, энергия-то берется из еды-питья-воздуха, плюс отдых необходим для нормального снабжения клеток питанием и кислородом и для выведения шлаков. Никакая сексуальная энергия здесь на марш-броски и наряды не перекачивается – энергия просто перестает поступать в сексуальные центры! Ведь сексуальная энергия – это не какая-то данность, не какая-то постоянная величина, это часть энергии организма, а энергия эта должна постоянно возобновляться! Здесь мы имеем не сублимацию того, что есть, – мы имеем простое отсутствие. Мы не откачиваем энергию из, условно говоря, секс-центра – мы перекрываем входы для энергии в секс-центр, и туда ни фигу не поступает. Не мозг сам по себе источник энергии, но питание для мозга.

§ 3. **Секс и творчество.** В сущности, любая человеческая деятельность носит творческий, «разумно-изобретательный» характер – и чем эта деятельность «более творческая», тем

творец более могуче-похотлив. Есть такая милая закономерность, замеченная давно. То есть не всякий половой гигант – гений, но среди гениев очень велик процент половых гигантов.

В дневниках Добролюбова есть примечательнейшее место – молодой интеллигентный мужчина, гуманитар, литератор, моралист, сидит дома и читает изящное и высокоэстетичное сочинение про высокие и отвлеченные материи. Худ, питается плохо, чахла. Был бы аскет, но скудные гроши носит в дешевый публичный дом – очень хочется. Да, так читает он, эстетически наслаждается и умиляется, увлечен, захвачен. «И вдруг, – пишет он, – у меня произошла эрекция. Вот и говорите после этого об идеальности эстетических переживаний и о том, что высокому искусству чуждо половое чувство».

Великий физик Ландау не пропускал ни одной юбки и набирал сотрудниц исключительно по принципу сексуальной привлекательности, справедливо полагая, что по сравнению с ним в физике они все равно мелкие тупицы. Не менее великий физик Оппенгеймер норовил совкупиться с любым женским существом в пределах досягаемости.

Тургенев зашел в гости к Дюма и обнаружил его катающим очередной роман, в то время как на коленях у него шалит полуобнаженная блондинка. «Александр, а она, гм, не мешает тебе работать? – Отнюдь, – жизнерадостно отвечал Дюма, – если бы на втором колене у меня сидела вторая такая же, я бы работал в два раза быстрее».

Распутство поэтов, художников, музыкантов – тема неисчерпаемая. Пушкин и Некрасов, Толстой и Достоевский, Бунин и Блок – это в великой-то и считающейся целомудренной русской литературе. Что ж говорить о да Винчи, Рембо и прочих Пикассо.

Творец – человек с повышенной нервной энергетикой, он работает на сильнейшем перевозбуждении, и очаг этого перевозбуждения «плавает» по коре мозга. А по силе это возбуждение соизмеримо с сексуальным, по абсолютной величине они близки. И ощущения такой же силы, как он получает в творчестве – он жаждет вообще, во всем, и в сексе в первую очередь – наслаждение, экстаз, эйфория. Здесь в мозгу происходят сходные химические процессы, гуляют те же элементы в тех же концентрациях.

Творчество и секс, если брать на уровне ощущений и физиологии мозга – это своего рода наркомания. Ты возбуждаешься на одном – и переезжаешь на другое с той же силой.

А кроме того, секс – это наилучший способ снятия нервного перевозбуждения после творчества, что с кокетливой мужской прямоотой справедливо отметил Хемингуэй. Ты перетягиваешь очаг возбуждения на другое место, и там его сбрасываешь и гасишь.

Пишешь картину – и вдруг хочется бабу. Лежишь с бабой – и вдруг осеняет идея, и вскакиваешь писать картину. А творчество – это акт не волевой, а интуитивный, а интуиция требует некоторой расслабленности, ты отдаешься на волю своих чувств, и если чувство хочет бабу, а ты ему фигу вместо бабы, то можно, конечно, заставить себя перестать о ней думать и «сублимировать», но чаще – организм говорит тебе: «Твори, падла, сам, а я хочу бабу, ну ужасно хочу, дай, не могу о другом думать». Дает. Кувыркается. Работает.

Что такое «богема» с ее распутством? Это образ жизни художников – только без их творчества. Внешние-то детали прихлебатели секли отлично, и очень их это устраивало, они вообще образ жизни художника и считали сутью. А что делать – таланта нет, а жизни художнической хочется.

Аскеты и одиночки, «сублиматоры» типа Микельанджело и Ван-Гога – те немногие исключения, которые вечно подтверждают общее правило.

§ 4. *Сексуальность великих*. Великий и премудрый царь Соломон был отменно женолюбив – три сотни жен имел, и без счета наложниц. И это с таким-то расходом сексуальной энергии – отлично соображал и славно управлял государством – именно при нем достиг Израиль расцвета и могущества.

Величие Цезаря покруче будет – встал во главе полумира. В зените своего могущества, будучи человеком уже весьма зрелым, мог, диктуя государственные распоряжения на

несколько секретарей одновременно, прерваться на четверть часа и удалиться в одну из ниш, отделенных от зала занавеской. Там всегда были наготове несколько мальчиков и девочек – на случай того, чего именно захочется императору в этот момент. Через четверть часа император возвращался удовлетворенный – и продолжал диктовать с того самого места, на котором остановился. А Цезарь, нельзя не заметить, заложил законодательные и исполнительные основы Римской Империи, с которыми она просуществовала еще пять веков – именно этим он, «Отец отечества», был славен в римской истории, а не своими военными победами, которых Рим имел без счета, было много побед куда круче и важнее цезаревских.

Очень похоже, что именно из подражания Цезарю устраивал сходным образом свои сексуальные дела две тысячи лет спустя честолюбивейший из смертных – Наполеон. Блеск его славы и величия обеспечивал ему обожествленное поклонение толп красавиц, почитавших за счастье близость с императором на любых условиях. В походной палатке, пища за складным столиком очередной приказ или декрет, он мельком бросал взгляд на впущенную поклонницу и делал пером жест через плечо в сторону койки: она могла раздеваться и ложиться. Наполеон дописывал до точки, вставал и «овладевал ею, лишь опустив лосины и не снимая ботфуртов». После чего вставал, поправлял одежду и возвращался к столику, продолжая писать. Дама была свободна.

Иван Грозный фактически создал Россию как империю, воюя татар, шведов, поляков и присоединяя к себе все что ни попадя, до чего длань царская достигала. Его кошмарные оргии тщательно и стыдливо умалчиваются почти всеми историками – буен и неводержан был царь во всем, перепортил девиц и опозорил честных жен великое множество. Полагая себя полновластным хозяином державы со всеми ее потрохами, желал обладать и всеми женщинами, которые могли ему понравиться – и, бывало, при проезде царского эскорта через селение жители получали приказ: «Бабам молодым и девкам стоять всем у окон, заголив и выставив срамные места».

Екатерина Великая с немецкой рациональностью пропускала кандидатов в любовники через «проб-даму»: каковы-то красавцы в постели? Не сдавшие «экзамен» до монаршего алькова не доходили. И сдавших хватало. До последних дней жизни вела престарелая императрица «активную сексуальную жизнь», как выразились бы сейчас. Что нисколько не мешало ей в масштабных преобразованиях огромной страны.

Вышеупомянутые, как и многие другие великие деятели в истории, имели столько актов, сколько им хотелось, безо всяких ограничений. А дел наворотили – будьте-нате. Так как там насчет «сублимации»? Ерунда. Огромная энергия являет себя во всем. А поскольку человек – создание биологическое, и энергия индивида в основе имеет биологический характер, то совершенно естественно: чем мощнее энергия – тем мощнее ее прямое биологическое проявление.

Интеллект и честолюбие зависят от условий формирования человека, от наложения внешней среды, «фенотипа», – но «генотип» задан с рождением, и в сексуальной мощи являет себя «автоматически». Импотент не может быть великим человеком – не потому, что у него плохо с эрекцией, но потому, что его проблемы с эрекцией – следствие общей вялости, общего недостатка энергии. (Случаи импотенции как явной болезни, которая может быть излечена медицински, без изменения общего уровня активности организма, сюда, разумеется, не входят.) Недаром едва ли не у всех народов на первобытном уровне развития общества вождь мог стать только тот, кто был сексуально мощен, а когда его половая сила ослабевала – подлежал замене. Насколько он мудр и хороший организатор – в обычных условиях судить бывает трудно, но в основе всего – энергия, а ее сексуальный уровень – как манометр, измеряющий по отдельному выходу общее давление.

Все ведь так просто. Если центральная нервная система способна к сильному возбуждению, а общее состояние организма позволяет возникать этому возбуждению – и позволяет реа-

лизовать его в действиях, вывести его с уровня ощущений на уровень физических проявлений – этот человек potentен в широком смысле слова, он годен и способен на многое.

Высокопотентный свинопас в сельской глуши не может стать великим человеком, потому что его энергия в период формирования личности, в детстве, не получила должного оформления – умственного развития и волевой закалки. Но уж драть он будет подряд своих свиней, если баб не хватит, этому учиться не надо. То есть – мы имеем годный материал, испорченный плохим раскроем, а качество-то ткани отличное.

Григорий Распутин – выдающийся пример того, как человек малограмотный и отсталый может подняться к управлению большим и сложным государством вопреки законам и, казалось бы, логике – через энергию свою, при этом половая его феноменальная энергия быстро стала притчей во языцех. Такой вот исключительный прорыв. Ну о-очень сильно он всегда хотел и сильно мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.